

Большая игра без правил

Автор:

Александр Михайловский

Большая игра без правил

Александр Борисович Михайловский

Александр Петрович Харников

Ангелы в погонахРандеву с «Варягом» #6

Усиление Российской империи после русско-японской войны, выигранной при помощи пришельцев из будущего, и заключение русско-германского соглашения о Континентальном альянсе не дает покоя англосаксам. В глубине евразийского континента вызревает несокрушимое препятствие к достижению мирового господства, против которого будут бессильны все броненосцы британского флота. Но когда врага нельзя победить в открытом бою, в ход идут влияние пятой колонны, яд и кинжал.

Однако на страже интересов русского государства стоит Главное Управление Государственной Безопасности – своего рода новая Тайная Канцелярия, которой до всего есть дело. Ее глава подотчетен только императору Михаилу Второму, и только с ним согласует свои планы. Европейская пресса пугает обывателей четырьмя страшными буквами «ГУГБ» – усилиями этой спецслужбы иностранные шпионы и эсеровские боевики на территории России исчезают бесследно, и, более того, она готовится перенести войну на землю противника.

Что же получится из поединка патриотизма, помноженного на послезнание, и коварства с беспринципностью? Об этом читайте в этой книге, в издательстве АСТ вышедшей под названием «Жаркая осень 1904 года».

Александр Михайловский, Александр Харников

Большая игра без правил

Бои бульдогов под ковром

Часть 21

Горячий август

10 августа (28 июля) 1904 года. Санкт-Петербург. Улица Морская д. 8 Ресторан «Мало-Ярославец».

Михаил Иванович Соколов, лидер «Союза социалистов-революционеров-максималистов».

Выпив рюмку холодной водки и закусив хрустящим соленым огурчиком, Михаил Соколов, известный среди своих коллег-эсеров как Медведь, внимательно посмотрел на своего собеседника, который не понравился ему с первого взгляда. Бегающие глазки, суетливость и эта омерзительная привычка то и дело потирать руки... К тому же, одетый на манер торговца в галантерейной лавке, тот носил свой костюм так, словно впервые в нем вышел в свет. Опытный глаз Медведь определил: этому человеку (назвавшемуся при встрече товарищем Герасимом) гораздо привычнее костюм-тройка, сшитый у хорошего портного. Да и разговаривал тот с таким неистребимым одесским акцентом, словно только вчера гулял по Дерибасовской. Но вместе в его речи проскальзывали фразы, характерные лишь для жителей Североамериканских Соединенных штатов. Медведю уже через пять минут общения с «товарищем Герасимом» захотелось достать из кармана пиджака браунинг и пристрелить того прямо здесь, в зале ресторана. Но делать он этого не стал: уж очень необычное предложение прозвучало из уст «товарища Герасима», и уж слишком большие суммы фигурировали в нем.

А свел их в зале ресторана «Мало-Ярославец» Виктор Михайлович Чернов – член ЦК партии Социалистов-революционеров, в данный момент находящийся в эмиграции. После убийства царя Николая II и ареста Евно Азефа Боевая организация и почти вся верхушка партии эсеров оказалась в застенках «Новой

Голландии». И теперь из-за границы Чернов пытался собрать уцелевших членов партии СР. В записке, которую передал Медведю связник, помимо приветов и наилучших пожеланий, была просьба встретиться с «товарищем Герасимом», у которого, по словам Чернова, имелось к нему «очень интересное предложение». Суть же предложения заключалась в следующем: Медведю и его боевой группе предлагалось убить министра иностранных дел Российской империи Дурново. Вот так – ни больше, ни меньше...

Предложи совершить этот теракт сам Чернов, Медведь согласился бы, не колеблясь ни минуты. Он давно уже мечтал убить не какого-то там генерала или губернатора, а человека, непосредственно приближенного к новому императору и пользующегося его полным доверием. Но факт, что этот теракт предлагает совершить кто-то, не принадлежащий к движению социалистов-революционеров, заставил Медведя крепко задуматься.

Тогда «товарищ Герасим» назвал сумму. Она оказалась не просто значительной, а фантастически большой. Медведь по натуре своей не был алчен, но конспирация – штука дорогая, да и оплата осведомителей и своих людей в полиции тоже стоила немалых денег. А если у него появится сумма, которую обещали ему за убийство царского сатрапа Дурново, то тогда...

Медведь даже зажмурился. Тогда можно будет купить много оружия, взрывчатки, и даже несколько недавно изобретенных моторов. Это не то что какая-то там извозчичья пролетка – это мощная машина, на которой можно будет молниеносно появляться на месте совершения теракта, и так же быстро скрываться от растерянных и испуганных «фараонов».

Моральная сторона дела Медведя не интересовала, хотя из-за ширмы, которую являл собой Чернов, явственно торчали уши кого-то другого – возможно, более влиятельного и могущественного. Эсеры-максималисты полагали, что для победы дела Мировой революции в России необходимо развязать партизанскую войну, конечной целью которой будет захват всех земель и передача их в общественное уравнилельное пользование. А в городах требовалось поднять вооруженное восстание, чтобы в конечном итоге осуществить захват этих городов силой и установить в них трудовую республику. «До основанья и затем», как говорится.... Ни больше, но и не меньше.

Ну, а если речь идет о партизанской войне, то тут всяко не обойтись без жертв. Впрочем, кого жалеть-то? Народ? Это пусть ТЕ его жалеют, а эсерам-максималистам никого не жалко. Медведь вспомнил, что говорил о народе один его соратник по Союзу эсеров-максималистов: «Это – раса, которая морально отличается от наших животных предков в худшую сторону; в ней гнусные свойства гориллы и орангутанга прогрессировали и развились до неведомых в животном мире размеров. Нет такого зверя, в сравнении с которым эти типы не показались бы чудовищными... Дети (подавляющее большинство) будут обнаруживать ту же злость, жестокость, подлость, хищность и жадность»...

Скажем, если надо будет убить царя, то взорвать его можно во время крестного хода – и плевать, что при этом погибнут десятки посторонних. Туда им и дорога. Вон, эсеры из «Боевки» Азефа уже один раз взорвали царя Николашку прямо на улице. Погибли случайные прохожие? А ему, Медведю, их совсем не жалко.

В общем, выпив еще немного водки, Медведь дал «товарищу Герасиму» предварительное согласие на проведение теракта. Но взамен потребовал загодя передать ему треть оговоренной суммы в качестве аванса и сообщить всю информацию о передвижениях и местонахождении министра Дурново.

С первым «товарищ Герасим» согласился сразу (хотя и слегка поморщился), а вот насчет второго сказал, что получить требуемые сведения не так-то просто, тем более что Дурново пока не вернулся в Петербург из Копенгагена. Но он скоро будет здесь, и тогда информация, нужная для разработки плана покушения, будет получена и передана исполнителям.

На том они и порешили. «Товарищ Герасим» ушел из ресторана первым. Медведь попрощался с ним, а когда тот расплачивался с официантом, едва заметно кивнул. Сидевший за соседним столиком молодой человек (судя по костюму, мелкий чиновник) торопливо сунул под тарелку десятирублевую купюру и отправился вслед за «товарищем Герасимом». Медведь же не спеша доел жареного цыпленка, допил оставшуюся в графине водку и жестом подозвал официанта. Рассчитавшись и оставив щедрые чаевые, Медведь вышел на улицу и неторопливо зашагал в сторону Невского проспекта...

Тот, кто назвался «товарищем Герасимом», был опытным конспиратором. Он сразу заметил молодого чиновника, почти бегом выскочившего вслед за ним из ресторана.

«Какой глупый... – усмехнулся он про себя. – Видимо, этот юноша подался в революционеры прямо со студенческой скамьи. Много пыла, жертвенности... и абсолютно никакого опыта».

«Товарищ Герасим» действительно прибыл в Россию из САСШ с паспортом гражданина этой страны на имя Сэма Гольдберга, жителя Чикаго. Но когда-то он жил не в городе скотобоен, а в прекрасном и зеленом городе Одессе... И звали его совсем по-другому.

Шмуль Гольдберг, сын почтенного торговца зерном (которое никто из его земляков, естественно, не выращивал), был ребенком непослушным и непочтительным к старшим. В юности он увлекся идеями свободы и равенства, и даже организовал студенческий кружок по изучению социалистической литературы, которую ввозили через Одесский порт в больших количествах. Но потом, когда несколько его единомышленников загремели в полицию и были отчислены из университета с «волчьим билетом», Сема понял, что революционная борьба – это не для него. Сделать гешефт на социализме можно было и куда более безопасным способом.

И он отправился в поисках больших денег и свободы в САСШ. Там шустрого молодого человека, достаточно беспринципного и не страдающего от избытка совести, заметили его земляки. У них были свои взгляды на то, что происходит в России – стране, которая когда-то была их Родиной, но которую они тем не менее страстно ненавидели.

Натурализовавшись в Америке и получив гражданство, Сэм Гольдберг стал курировать появившуюся в России в начале 1902 года партию социалистов-революционеров (правда, история ее началась еще в 1894 году в Саратове, когда уцелевшие народовольцы попытались вновь сорганизоваться и продолжить дело Софьи Перовской и Андрея Желябова).

Сам Сэм Гольдберг был хорошо знаком с первым руководителем Боевой организации партии СР Гершем Гершуни и со сменившим его Евно Азефом, а также с автором устава партии Мойшей Гоцем. Правда, сейчас двоих из этих трех персонажей он уже никак не сможет увидеть: Гершуни, приговоренный к смертной казни (которую покойный царь Николай заменил ему на пожизненное заключение), совсем недавно при странных обстоятельствах «покончил жизнь самоубийством» в Шлиссельбурге. Евно Азефа после убийства Николая Второго был пойман, и сидит в «Новой Голландии», а Мойша Гоц, внук известного

московского «чайного короля» Вульфа Высоцкого, эмигрировал в 1900 году в САСШ, и по состоянию здоровья ограничивался лишь идейной и моральной поддержкой эсеровской «боевки». В раскинутые полицией сети попал и Борис Савинков – довольно посредственный боевик, но талантливый писатель.

Посоветовавшись с Черновым, Сэм Гольдберг решил сделать ставку на новое течение в среде социалистов-революционеров – на так называемых максималистов. Деньги на убийство министра иностранных дел России Дурново ему выделил американский банкир Якоб Шифф. Если у этого Медведя все пройдет хорошо, то следующие на очереди в проскрипционном списке американских банкиров – адмирал Ларионов, тайный советник Тамбовцев, полковник Бережной, эсдек Джугашвили и новый российский император Михаил II. Денег на организацию их ликвидации будет отпущено столько, сколько потребуется...

Первый контакт с Медведем прошел успешно. Сэм привычно потер руки, так и не заметив, что по другой стороне улицы не спеша прогуливается скучающего вида фронт котелке и костюме-«тройке», с тростью в руках. А ведь это был один из лучших сотрудников Евстратия Медникова – начальника «Летучего отряда филеров» Особого отдела Департамента полиции, с недавнего времени подчинявшегося Главному Управлению Государственной безопасности...

12 августа (30 июля) 1904 года. Кронштадт, Пароходный завод. Особая мастерская корабельных моторов внутреннего сгорания под руководством Густава Васильевича Тринклера.

Присутствуют:

Командующий Балтийским флотом вице-адмирал Степан Осипович Макаров

Председатель МТК контр-адмирал Иван Константинович Григорович

Главный конструктор корабельных моторов внутреннего сгорания Густав Васильевич Тринклер

Старший механик большого морского эскадренного танкера снабжения «Иван Бубнов» Антон Иванович Васильченко

В огромном пустом помещении цеха (специально выстроенном по проекту инженера Шухова при Особой мастерской) высотой с четырехэтажный дом и с двойными стенами, заполненными шумопоглотителем, располагался стенд для испытания корабельных двигателей внутреннего сгорания. На этом стенде сейчас выл и гремел первый полномасштабный экземпляр шестицилиндрового двухтактного корабельного двигателя конструкции инженера Тринклера. Рядом с этой громадиной стоявшие внизу люди казались пигмеями. Высота цилиндров вместе с фундаментом превышала одиннадцать метров. Амортизирующая платформа под двигателем на мощных спиральных пружинах возвышалась над полом еще на метр. И сейчас при его работе она вибрировала, поглощая энергию ударов почти семитонных поршневых пар.

В специальной инженерной выгородке, отделенной от испытательного зала дополнительной звукоизоляцией и высокими окнами с двойными стеклами, на пульте были установлены циферблаты основных приборов, показывающих рабочие обороты, номинальную мощность, температуру воды в контуре охлаждения, масла, выхлопных газов и поступающего в двигатель разогретого в рекуператоре мазута. Рядом с ними находились четыре человека. Двое из них были адмиралами, занимающими очень высокие посты в Императорском флоте, а двое других проходили по инженерно-технической части.

– Девяносто девять оборотов в минуту, Степан Осипович! – перекрикивая шум двигателя, доложил Тринклер обозревающему с почтением всю эту громадину адмиралу Макарову. – Почти семь тысяч лошадиных сил на валу, даже без компрессионного наддува. Работает так уже десять суток подряд, без всяких поломок и потерь мощности.

– Замечательно, Густав Васильевич! – крикнул в ответ Макаров. – Скажите, а как будет, если включить принудительную форсировку или, как вы сказали, наддув?

– Степан Осипович, наддув у нас пока смонтирован отдельно на электрическом приводе, поэтому не обессудьте за некоторую задержку... – Тринклер вышел из выгородки, чтобы дать указания помощникам.

– Ну и как вам эта тархтелка, Степан Осипович? – спросил у Макарова адмирал Григорович. – По мне, так слишком уж громоздко, шумно и непривычно.

– Не так уж и громоздко, Иван Константинович, – ответил Макаров. – Сравните этот мотор со стандартной для наших новейших броненосцев типа «Бородино» вертикальной паровой машиной тройного расширения, причем в сборе, вместе с котлами, холодильниками, опреснителями, резервуарами для технической воды и прочая, прочая, прочая. Мощность получается та же. При этом учтите, что вместо двух сотен кочегаров и машинистов на обслуживание все моторов нужно не более десятка трюмных, при все тех же двух инженерах-механиках. А жидкое топливо ускоряет и упрощает бункеровку в море, что немаловажно для соединения или отдельного корабля на боевой позиции. Ну и один из самых больших козырей этого мотора – его экономичность. Тот же броненосец «Бородино» с этими моторами при таком же запасе топлива имел бы дальность экономического хода не пять с половиной тысяч морских миль, а как минимум втрое больше. При этом он мог держать скорость не десять, а примерно шестнадцать узлов.

– Ну, если так, Степан Осипович, то не думаете ли вы переоборудовать все наши броненосцы под эти новые моторы, раз уж они столь хороши? – пожал плечами Григорович, который еще год назад был надзирающим за постройкой во Франции эскадренного броненосца «Цесаревич» (прототипа «Бородинцев») а потом и его первым командиром.

Макаров окинул взглядом возвышающуюся над ними громаду тринклер-мотора и хмыкнул в бороду.

– Нет, Иван Константинович! – крикнул он в ухо Григоровичу. – При всей внешней соблазнительности мысль эта абсолютно бредовая. Для такой замены придется вскрывать палубу корабля в районе машинного и котельных отделений чуть не до самого киля, а потом собирать обратно. Проще построить совершенно новые корабли, чем пытаться сделать что-то со старыми. Паровые машины тройного расширения доживают на флотах последние годы, а на смену им идут моторы господина Тринклера и паровые турбины мистера Парсонса. А ведь еще во времена моей молодости подобные паровые машины считались верхом совершенства. Новый век стучится в наши двери, не спрашивая, хотим ли мы его к себе пускать.

Адмирал Григорович хотел было что-то сказать в ответ, но тут в пристройке к зданию испытательного цеха что-то пронзительно взвыло и засвистело. Обороты двигателя заметно выросли, а звук его работы с басовитого грохота перешел на пронзительный вой. Сотрясающая станину вибрация при этом даже несколько уменьшилась.

– Сто тридцать оборотов и почти восемь с половиной тысяч лошадиных сил мощности на форсированном режиме, – гордо заявил адмиралу Макарову снова появившийся в выгородке Тринклер.

– Вижу, Густав Васильевич, – ответил Макаров и повернулся к стоящему чуть поодаль стармеху «Ивана Бубнова» Васильченко, привлеченному к этому проекту в качестве консультанта. – А вы что скажете, Антон Иванович?

– Ну, что сказать, Степан Осипович... – пожал плечами тот, – с одной стороны, аппарат получился нереверсивным, на сто тонн тяжелее прототипа и на тысячу лошадиных сил слабее. А с другой стороны – Густав Васильевич, творчески употребив всю полученную информацию, совершил настоящее чудо, и его мотор работает, причем достаточно стабильно и безаварийно. Он воистину гений в своем деле, по сравнению с которым я – простой ремесленник, удел которого – всего лишь содержать свое заведение в полном порядке и знать в нем каждую гайку, шпильку или болт.

Услышав похвалу из уст стармеха «Ивана Бубнова», Густав Тринклер порозовел от удовольствия.

– Нет-нет, Степан Осипович, – возразил двадцатилетний изобретатель и главный конструктор, – все не совсем так. Антон Иванович неумеренно скромничает – на последнем этапе он оказал мне в работе неоценимую помощь. Кроме того, в полученном результате не было ничего особо гениального, ведь я шел по стопам неведомых мне предшественников. Антон Иванович консультировал меня и раньше, пусть не лично, пусть посредством писем и радиопосланий. Но я всегда почти незамедлительно получал от него ответ на любой вопрос.

– Да нет, Степан Осипович, скромничает как раз Густав Васильевич, – отпарировал Васильченко, – ведь шел он в основном по своим собственным следам, которые оставил во время работы главным конструктором на заводе

«Братьев Кертлинг» в Германии, и позже, в России, когда работал главным конструктором судовых двигателей на Сормовском судостроительном заводе. Но гениальность в том, что созданный им в кратчайшие сроки двигатель-копия вполне работоспособен, и почти не уступает по своим характеристикам оригиналу.

– Ну все, господа, – поднял руку адмирал Григорович, – вы оба хороши. Должен сказать, что после прохождения эскадры адмирала Ларионова Северным и Балтийским морями некоторые германские и датские судостроительные заводы высказали заинтересованность в массовой постройке наливных и сухогрузных торговых судов, скопированных с вашего, Антон Иванович, «Ивана Бубнова». Мы с Виктором Сергеевичем пока не дали им ответа, но теперь мы ответим им положительно, ибо у нас есть мотор, который мы сможем изготавливать для этих судов. Так что таких моторов понадобится не просто много, а очень много. На сем, господа, позвольте нам со Степаном Осиповичем откланяться, пожелав вам дальнейших успехов в работе.

– Всего вам наилучшего, Густав Васильевич и Антон Иванович, – сказал Макаров, пожимая инженерам руки. – Надеюсь, эти моторы пригодятся нам не только в военном, но и в торговом флоте. Хочется верить, что весь цикл полных испытаний у вас пройдет успешно, и мы с Иваном Константиновичем начнем думать, какому заводу поручить их серийное производство.

Начальство отбыло, а инженеры остались на месте наблюдать за работой двигателя. Предстояло еще много работы, прежде чем конструкцию можно будет считать доведенной до конца. Тем не менее они уже твердо знали, что добились успеха и по их части задание государя выполнено.

16(3) августа 1904 года. Утро. Санкт-Петербург, Александровский сад.

Виктория Великобританская и адмирал Ларионов

Не знаю, что было тому виной – может быть, перемена обстановки и связанные с ней необычные впечатления, а может, мысли об адмирале Ларионове, которые теперь практически не оставляли меня, подогреваемые моей милой сестрицей Ольгой – но последнее время мне стали сниться яркие, странные и волнующие сны. В них я видела дорогу, убегающую вдаль, синее бездонное небо

и прекрасных белых птиц, что ликующими стаями кружились у меня над головой; мне слышался счастливый детский смех и мирный шум прибоа, шелест листвы и красивая, льющаяся издалека песнь, слов которой было не разобрать. Просыпалась я с ощущением того, словно что-то важное вот-вот ворвется в мою жизнь и перевернет ее до основания. Чувство это заставляло замирать мое сердце в неясном и тревожно-сладком предвкушении перемен, неизбежно связанных с тем человеком, который волей случая – а может быть, и промысла судьбы – стал значить для меня очень много...

С утра меня не покидала мысль, что именно сегодня произойдет то, что выведет наши с ним отношения на другой, более определенный уровень. Я и ждала, и боялась этого момента, понимая, однако, что его не миновать. Поэтому его приглашение погулять с утра в Александровском саду явилось для меня недвусмысленной возможностью пролить, наконец, некоторую ясность на мое будущее, которое зависело сейчас от того, испытывает ли адмирал Ларионов ко мне взаимные чувства. Мои же собственные уже были вполне определены. До некоторых пор я и избегала, даже с самой собой, в силу устоявшихся привычек, называть вещи своими именами, но теперь мне приходилось признать со всей очевидностью – я влюблена... Сестрица Ольга говорит, что не нужно лицемерить перед собственной душой, и она права. Как легко становится жить и принимать решения, когда точно знаешь, чего ты хочешь. Милая сестрица, она искренне заботится обо мне, и без ее теплой поддержки я бы вряд ли сейчас с такой уверенностью и таким воодушевлением направлялась на это свидание в любезно предоставленном ею же изящном ландо.

И вот Александровский сад встречает меня зеленью листвы, веселыми толпами нарядной публики и бодрими звуками духового оркестра. Погода словно благоволит к нам – стоит на редкость приятный, теплый и солнечный день, небо, украшенное редкими и легкими белоснежными облаками, отрадно голубеет, создавая ощущение праздника и беззаботности, которое усиливается от обилия множества лодок и яхт самых разнообразных расцветок и размеров, усеявших гладь Невы. Все это представляет разительный контраст с мрачной серостью Лондона, где смог и низкое облачное небо, вечно сеющее мелкий дождь, где воды Темзы темны и зловонны, и больше напоминают сточную клоаку, чем главную реку столицы Британской империи...

Встретив меня у входа в сад, адмирал галантно предложил мне руку и мы не спеша пошли по главной аллее. Да, здесь есть на что посмотреть, в этом саду... Теперь мне понятно, что русские называют «местом отдохновения души».

Великолепные деревья, уютные аллеи со скамейками и статуи античных героев, мирно соседствующих с бюстами великих русских деятелей культуры и искусства. А над всем этим гордо возвышается Адмиралтейский шпиль...

Здесь словно воплотился дух русского народа, который гордится своей историей, своими героями. Люди приходят сюда не только для того, чтобы отдохнуть и развлечься, но и подумать о будущем и погрузиться в романтические чувства...

Романтичность этого места уже начинала действовать на нас, даря тот контакт, который позволяет без слов угадывать чувства и настроение собеседника. И это было замечательно – такая обстановка укрепляла мою решимость высказать адмиралу все то, что давно было в моем сердце. Видимо, и он тоже ощущал нечто подобное. Мы с ним шли вдоль аллеи, ведя обычную светскую беседу – что было скорее данью хорошим манерам, так как оба мы явственно чувствовали, что между нами присутствует нечто, требующее обязательного разрешения и установления определенности. Оно, это нечто, читалось во всем – во взгляде адмирала, чуть дольше задержавшегося на моем лице, в близком наклоне ко мне его головы, наконец, в его улыбке, которая просто и без обиняков говорила о том, как ему приятно на меня смотреть.

Все скамейки на главной аллее были заняты, и мы постепенно уходили вглубь сада, пока не вышли на узкую боковую аллею, вдоль которой оставалось несколько свободных скамеек. У меня непроизвольно возникла мысль о том, сколько волнующих признаний, должно быть, слышали эти скамейки, сколько трепетных вздохов, счастливых слез помнят они, эти молчаливые свидетели любовных историй...

А еще я думала о том, что совсем и не знаю, что такое любовь. Разве так уж обязательно это знать? Главное, что я чувствую это – и чувствую безошибочно. То, что я испытываю к адмиралу Ларионову, совсем не похоже на описания из тех любовных романов, которые мне доводилось читать – тем не менее я уверена, что это и есть она – та самая могучая сила, что бесповоротно меняет людей, заставляет по-другому смотреть на мир и вдохновляет на подвиги и свершения...

Мы присели в тени раскидистого дуба, в самом удаленном конце аллеи, где никто не мог нас потревожить. Издалека доносилась музыка военного оркестра, наигрывающего мелодию неизвестного мне вальса. В густой кроне дерева тихо

шелестел заплутавший ветер и чирикали о чем-то своем птицы.

Мой адмирал молчал, он словно прислушивался к чему-то внутри себя; легкая задумчивая улыбка молодила его лицо и делала его похожим на мальчишку, увлеченного романтическими мыслями. И я с трепетом в сердце осознавала, что видеть его, сурового воина и бесстрашного командира, таким вот, открытым и настоящим – возможность, доступная немногим, может быть, лишь самым близким для него людям. И я желала в этот момент – желала всеми силами своей души – стать для него по-настоящему и навсегда самым близким и родным человеком...

Он сидел совсем рядом – ближе, чем позволяли приличия, и тепло его тела окутывало меня... И от этого жар вдруг залил мое лицо, и я достала веер, чтобы обмахнуться, но от волнения пальцы не слушались меня и я уронила веер себе под ноги...

Адмирал поднял его и протянул мне. Конечно же, мое смущение, из-за которого и произошла эта неловкость, не осталось для него незамеченным. И он, передавая мне веер, как бы невзначай коснулся моей руки. Но я уже не в силах была противиться захлестнувшему меня чувству и не спешила убрать руку. И тогда его ладонь осмелела – он накрыл ею мою ладонь, и заглянул мне в глаза.

– Милая, милая Виктория... – сказал он с нежностью и теплотой, – я, наверное, должен извиниться перед вами за то, что не слишком галантно себя веду... Но мне необходимо сказать вам, что я испытываю к вам самые необыкновенные, самые теплые чувства...

Было видно, что он тщательно подыскивает слова, боясь ненароком оскорбить меня или обидеть, но все, что он говорил, вызывало во мне такую радость, что мое дыхание замирало... А между тем он осторожно продолжал:

– Виктория... Вы удивительная женщина, и мне хочется все больше и больше узнавать вас. Я, к сожалению, не очень-то большой знаток женщин, и, может быть, вы простите мне некоторую неуклюжесть и, возможно, грубость моих слов... Вы, несомненно, достойны самых прекрасных выражений, но ваше присутствие влияет на меня так, что я чувствую себя неловким мальчишкой... Но я скажу вам главное... Виктория – я уверен, что вы, и только вы можете сделать меня счастливым... Впрочем... – он осекся, и, внимательно глядя

на меня, после небольшой паузы сказал:

– Впрочем, я не знаю, как вы сами ко мне относитесь... Скажите мне, пожалуйста, Виктория, смею ли я надеяться на то, что вы ответите мне взаимностью? Могу вас заверить – я приму любой ваш ответ, и в любом случае наши отношения останутся такими же теплыми и дружескими...

Высказав все это, мой адмирал замолчал, и мне было приятно видеть, что он с волнением ожидает моего ответа, хотя, конечно, и догадывается о моих чувствах. А я, окончательно убедившись, что его интерес ко мне выходит далеко за пределы дружеского, и отбросив остатки светских условностей, на ломаном русском языке, который учила все это время, прошептала то, о чем уже давно кричала моя душа:

– Я люблю вас, адмирал Ларионофф...

16(3) августа 1904 года. Ялта.

Штабс-капитан Бесоев Николай Арсеньевич.

Эти восхитительные две недели в Крыму пролетели словно одно мгновение. Мне уже приходилось бывать в Ялте, но это было в конце 1990-х. Сейчас же здесь все выглядело совершенно по-другому. Хотя, конечно, море, зелень, гора Аю-Даг – все это было в наличие. И прекрасная женщина, которая все время находилась рядом со мною.

Мы расположились в одной из лучших ялтинских гостиниц с символическим названием «Россия». Целыми днями мы с Натали гуляли по Ялте, любовались ее красотами, пили кисловатое сухое вино, слушали музыку духового оркестра – словом, просто отдыхали. Хотя, как я понял, наша беспокойная работа так и не дала нам полностью расслабиться.

На второй день после нашего прибытия в Ялту на набережной я неожиданно столкнулся нос к носу с ротмистром Познанским. Он был одетого в щегольской костюм-тройку, на голове у него была модная шляпа-котелок, а в руке – трость с серебряным набалдашником. Под руку Михаил Игнатьевич держал

симпатичную молодую девицу – белокурую, румяную, с большими голубыми глазами.

– Какая встреча, Николай Арсеньевич! – изумленно воскликнул ротмистр. – Как я вижу, и вы решили выбраться в Крым, чтобы отвлечься среди здешних красот от наших грешных дел.

– Рад видеть вас, Михаил Игнатьевич, – поздоровался я с Познанским. – Да, мне все же удалось выкроить недели две-три, чтобы позабыть о службе и отправиться в эти благословенные места полюбоваться на синее море, южную природу и прекрасных женщин. Вы не соблаговолите представить мне вашу очаровательную спутницу?

– С большим удовольствием, Николай Арсеньевич, – ротмистр едва заметно подмигнул мне. – Позвольте представить вам мадемуазель Валентину, дочь одного моего старого знакомого. Я повстречал ее здесь так же неожиданно, как и вас. Она приехала отдохнуть в Ялту вместе со своими родителями.

– А это, мадемуазель, мои старые друзья, – Познанский представил меня и Натали по имени, из чего я понял, что он не желает, чтобы его спутница была в курсе наших дел.

После того, как были закончены все формальности, мы вчетвером немного погуляли по набережной, поболтали о том, о сем. Потом ротмистр предложил нам отобедать вместе с ними в одном уютном ресторанчике.

Между делом, воспользовавшись тем, что наши дамы отвлеклись, обсуждая слишком экстравагантный, по их мнению, наряд одной из посетительниц ресторана, милейший Михаил Игнатьевич шепнул мне на ухо, что он прибыл сюда по поручению генерала Ширинкина, который не желал бы, чтобы у меня с Натали возникли какие-либо неприятные ситуации.

Мысленно чертыхнувшись, я кивнул ротмистру и намекнул, что, дескать, мы и сами с усами, и если что, то сможем сделать укорот слишком надоедливым и невоспитанным особам и без помощи начальника Дворцовой полиции. Но, как пришлось убедиться впоследствии, я был несколько самонадеян.

И покровительство ведомства генерала Ширинкина оказалась для нас совсем не лишним.

Во время одной из прогулок наши дамы на время покинули нас, чтобы ненадолго уединиться в заведении, в которое «короли ходят пешком». Мы с ротмистром, воспользовавшись их отсутствием, стали обсуждать наши недавние бакинские приключения. Михаил Игнатьевич еще раз упомянул имя генерал-губернатора Накашидзе, который, ведя двойную игру, пытался всех перехитрить, хотя на самом деле перехитрил лишь самого себя. Ротмистр сравнил Накашидзе с бараном...

Эту нелестную характеристику князя Накашидзе, произнесенную слишком громко, видимо, услышал проходивший мимо нас пожилой полковник. Судя по его наградам – Анна 2-й степени с мечами – он был не тыловой крысой, а боевым офицером. Об этом же говорила и медаль за Турецкую войну 1877–1878 годов.

Внешность у полковника была типично кавказская. Я своим наметанным глазом сразу определил – он родом из Западной Грузии, скорее всего, из Имеретии или Гурии. И не ошибся.

– Милостивый государь! – воскликнул он, обращаясь к ротмистру. – Да как вы смеете говорить такое о князе Накашидзе! Вы, несчастный шпак, который не знает, что такое свист пуль над головой и блеск вражеских сабель перед вашими глазами, позволяете себе оскорблять этого замечательного государственного деятеля! Это недостойно порядочного человека!

Полковник, выпалив эту фразу, выругался по-грузински, и я сразу понял, что не ошибся – передо мной, несомненно, был гуриец.

– Послушайте, господин полковник! – не выдержав, воскликнул я. – А тайком подслушивать чужие разговоры – это достойно порядочного человека?!

Не ожидавший такого ответа полковник опешил. Потом он взорвался ругательствами на русском и грузинском языках, угрожая свернуть нас в бараний рог и стереть в порошок. Я напряг свою память, и стал вспоминать, где я видел физиономию этого хама. И вспомнил!

Передо мной стоял ни кто иной, как будущий ялтинский градоначальник, Иван Антонович Думбадзе. Личность весьма своеобразная...

В молодости он якшался с грузинскими националистами, мечтавшими оторвать Грузию от России. Но потом, видимо, поняв всю вздорность идей своих соплеменников, кинулся в другую крайность – подался в «великорусские шовинисты».

В нашей истории он вступил в «Союз Русского Народа». Думбадзе ни в чем не знал меры и прививал любовь ко всему русскому самыми экстравагантными выходками. Будучи ялтинским градоначальником, он приказал выслать из Ялты больного семидесятидвухлетнего тайного советника Пясецкого лишь за то, что тот отказался выписать для находившейся в его заведовании библиотеке-читальни газеты «Русское Знамя», «Вече» и прочие черносотенные издания, в которых превозносился сам Думбадзе и оправдывались все его выходки. Когда же губернатор Тавриды Новицкий в его отсутствие разрешил нескольким лицам, высланным ранее Думбадзе из Ялты, возвратиться в город, тот потребовал от него объяснения своих действий. «Я высылаю, а вы возвращаете тех же самых людей!», – воскликнул он. В ходе последовавшей за этим ссоры Думбадзе приказал выслать из Ялты самого губернатора Новицкого! После этого он ждал смещения со своего поста, но император Николай II оставил это дело без последствий.

И с таким вот самодуром нам посчастливилось сегодня повстречаться. Правда, полковник Думбадзе был пока всего лишь полковником 16-го стрелкового Императора Александра III полка. Полк этот, дислоцировавшийся в Одессе, был отправлен в Маньчжурию, но из-за того, что военные действия на Дальнем Востоке закончились досрочно, с полдороги вернулся назад. Видимо, Думбадзе решил на пару дней заглянуть в Ялту, где ему пришлось услышать от ротмистра Познанского весьма нелицеприятные слова в адрес своего родственника – бакинского генерал-губернатора Накашидзе.

Итак, оскорбленный донельзя полковник Думбадзе продолжал изрыгать проклятия, угрожая нам всеми земными и небесными карами. В конце концов мне все это надоело. Порывшись в памяти, я вспомнил несколько грузинских идиоматических выражений, связанных с пешим эротическим путешествием.

И вот, увидев, что наши дамы уже успели сделать все свои дела и, выйдя из «кабинета отдохновения», направляются в нашу сторону, я произнес их. Думбадзе сначала побагровел, потом побледнел. Мне даже стало немного жалко беднягу – еще чуть-чуть, и его мог хватить удар. Не дожидаясь летального исхода, мы с ротмистром подхватили под руки наших дам и продолжили

прогулку по Ялте.

Честно говоря, я ожидал «продолжения банкета», вплоть до получения от Думбадзе вызова на дуэль. Но, видимо, нашлись компетентные товарищи, которые объяснили неугомонному полковнику, с кем ему пришлось иметь дело.

По крайней мере, при следующей нашей встрече, он, к нашему величайшему удивлению, криво улыбнулся нам и приложил руку к околышу фуражки. Наши дамы кивнули ему в ответ, а мы с Михаилом Игнатьевичем вежливо приподняли свои котелки...

Но, однако, губернаторствовать в Ялте господину Думбадзе уже не придется. И дело тут даже не в случившемся между нами конфликте. Дело в том, что, когда император Михаил назначает на должность того или иного человека, то всегда справляется, как тот проявил себя в нашем варианте истории. У господина Думбадзе слава такова, что его карьерные перспективы не имеют никаких шансов. Ничего личного, только государственные интересы. Государю-императору еще только пушечной стрельбы в мирное время на улицах курортной Ялты не хватало для полного счастья. Ей-ей, почетная отставка с мундиром и пенсией будет для господина Думбадзе куда лучшим итогом карьеры...

18(5) августа 1904 года. Позднее утро. окрестности деревни Красная горка, полевой лагерь сводной тихоокеанской бригады морской пехоты.

Генерал Белый, полковник Маниковский и подполковник Иса Искалиев.

Обычно с самого утра над Финским заливом начинал дуть устойчивый береговой бриз, неся прохладу на разогретый августовским солнцем берег. В такие солнечные дни берег у считавшегося курортным Ораниенбаума вмиг заполнялся множеством празднующихся дачников и особенно дачниц, проводящих эти летние деньки в блаженном ничегонеделании. Зонтики, шляпки, платьица и смешные в свете нравов конца двадцатого-начала двадцать первого века купальные костюмы...

Именно поэтому временный летний полевой лагерь тихоокеанской бригады морской пехоты разместили подальше от всяческих соблазнов, в двадцати пяти

верстах на запад от курортной зоны, в окрестностях деревень Старая и Новая Красная Горка. Земли эти принадлежат Ораниенбаумскому дворцовому ведомству, находящемуся в собственности герцогов Мекленбург-Стрелицких, и населены четырьмя с половиной сотнями почти не знающих русского языка ингерманландских финнов и ижорян. Самое интересное, что ижоряне, в отличие от финнов, крещенные в православие и носящие русские имена и фамилии, так же владеют великим и могучим на уровне «моя твоя не понимай».

В нашей истории примерно на том месте, где разбила свой лагерь бригада морской пехоты, впоследствии, после вступления России в Антанту, был выстроен прикрывающий подступы к Петрограду со стороны Финского залива знаменитый артиллерийский форт Красная Горка. В случае стратегического союза с Германией такое укрепление было нужно русской столице как зайцу стоп-сигнал или рыбе зонтик. Но само по себе это место – малонаселенное, но достаточно близкое к столице, и в то же время с железной дорогой и малопригодными для сельского хозяйства землями – так и напрашивалось на то, чтобы разместить здесь крупную воинскую часть.

Расположив поблизости от этих двух глухих деревень выведенную с Дальнего Востока бригаду морской пехоты, император Михаил избавил ее от праздного и докучливого внимания разного рода великосветских бездельников и назойливой опеки иностранных шпионов. Но при этом Красная Горка, расположенная на расстоянии чуть более шестидесяти верст от Зимнего дворца, здания Генштаба и Военного Министерства находилась, так сказать, в шаговой доступности для тех, кому бывать в бригаде Бережного приходилось по долгу службы.

Вот и сегодня утром на имя командира бригады Свиты его величества генерал-майора Вячеслава Николаевича Бережного пришла телеграмма, извещающая, что «к вам едет ревизор» – то есть начальник ГАУ генерал-майор Василий Федорович Белый и его помощник полковник Алексей Алексеевич Маниковский. Едут они по своим сугубо артиллерийским надобностям, и примерно к полудню надо направить коляску на расположенный в двадцати пяти верстах вокзал Рамбова (так флотские называли Ораниенбаум). Ибо железная дорога до ближайшего поселка Лебяжье (что в четырех верстах) и до самой Красной Горки пока что лишь на стадии планирования.

Коляску Бережной высылать не стал, а позвонил дежурному и распорядился выслать целый «Тигр» с водителем-сержантом и старшим машины – молодым,

только что с военной кафедры, командиром огневого взвода лейтенантом Головатовым, ставшим здесь подпоручиком и кавалером Св. Анны 4-й степени за операцию против армии генерала Куроки на Корейском полуострове. В те победоносные дни наместник Алексеев, пребывающий в отличном расположении духа, щедрой рукой награждал всех, до кого мог дотянуться в рамках своей юрисдикции. Но вообще-то brave подпоручик в глубине души был самым настоящим «пиджаком с карманами», и даже этим гордился, ибо у него было то, чего обычно не бывает у кадровых военных – то есть гражданская профессия школьного учителя физики.

В назначенное время к перрону вокзала Ораниенбаума подъехал дачный поезд из Санкт-Петербурга, и из него, помимо прочей публики, вышли генерал-майор Василий Федорович Белый, его заместитель полковник Алексей Алексеевич Маниковский и сопровождавший их адъютант в чине штабс-капитана. Лощеный, набриолиненный штабс, представитель славного племени штабных крысочков, считавших, что только им одним открыта истина, недоуменно глядел на встречающих его царских любимчиков, не понимающих, что от добра добра не ищут. Ведь у нас уже есть лучшая трехдюймовка в мире, соответствующая наилучшей французской концепции полевой мелкокалиберной артиллерии: один калибр – один снаряд.

Тихо урчащий «Тигр», поданный к приезду высоких гостей на привокзальную площадь мотором, произвел впечатление не только на генерала Белого и сопровождавших его офицеров, но и на прочую праздную публику. По сравнению с дребезжащими бензиновыми моторами Даймлера и Бенца, «Тигр» являл собой верх элегантности, совершенства и комфорта. Генерал Белый лишь окинул взглядом одетого «по-земноводному» подпоручика Головатова, остановившись на рукояти его кортика, где в центре красовался медальон с изображением знака ордена Св. Анны 4-й степени, и понимающе кивнул. Сам Белый заработал такую же награду на Русско-турецкой войне 1877-78 годов, на Кавказском фронте, во время сражения на Аладжинских высотах, будучи сотником казачьей артиллерии, что соответствовало пехотному поручику. И было тогда ему всего двадцать три года...

Впрочем, спеси с адъютанта все это не сбilo. Но никому не было до него дела: и сам Белый, и Маниковский относились к нему как к неизбежному злу, доставшемуся им в наследство от предыдущего начальника ГАУ генерала-инспектора артиллерии великого князя Сергея Михайловича.

Ни генерал Белый, ни его помощник не знали, что адъютанта начальника давно и плотно опекает 2-й департамент ГУГБ (контрразведка), имеющий информацию о его связях с военным атташе Французской республики, и стрелка барометра в его судьбе остановилась между пометками «Братъ при первом удобном случае» и «Братъ немедленно». Теперь же было решено совместить приятное с полезным, и взять агента во время встречи с его куратором. А что после посещения бригады Бережного агент побежит на такую встречу, никто не сомневался.

Самобеглая коляска из будущего сократила путь по проселочному тракту до полевого лагеря бригады с двух с половиной часов до сорока минут. Встречали гостей сам генерал Бережной и командир сильно разросшегося артиллерийского дивизиона подполковник Иса Шамильевич Искалиев. Кроме трех шестиорудийных батарей самоходных гаубиц МСТА-С, в состав дивизиона входили две батареи самоходных орудий-минометов НОНА-С и четыре четырехорудийные батареи устаревших легких десантных пушек Барановского, калибром два с половиной дюйма.

Когда-то, во времена последней русско-турецкой войны, легкие пушки Барановского считались новинкой. А нынче эти пушки уже не отвечают современным боевым требованиям ни по дальности стрельбы, ни по углам вертикальной и горизонтальной наводки, ни по мощности фугасной гранаты и поражающему действию шрапнели и картечи.

Конечно, генерал Белый и полковник Маниковский приехали посмотреть своими глазами совсем не на них, а на куда более грозные изделия разработки и производства конца двадцатого-начала двадцать первого века.

Гаубица МСТА-С ошеломила их своим грозным видом, размерами, калибром, и длиной ствола. Но в сравнении с шестидюймовой пушкой Канэ она не представляла из себя ничего особенного, за исключением механизма вертикальной наводки, позволяющей поднимать ствол на шестьдесят восемь градусов (у пушки Канэ – только двадцать), и имела снаряды улучшенной, по сравнению с нынешними, аэродинамической формы. Это позволяло поднять дальноточность с восемнадцати до почти двадцати девяти верст, а их наполнение взрывчаткой вдвое превосходило таковое у фугасных снарядов пушек Канэ.

К великому сожалению для генерала Белого, даже буксируемый вариант МСТЫ был втрое тяжелее, чем необходимо для конной возки. Но оставались еще флот, крепости и железнодорожные артиллерийские батареи, о которых тоже не стоило забывать. В конце концов сошлись во мнении, что Обуховскому заводу стоит заказать пробную партию пушек Канэ с заимствованными от МСТЫ элементами конструкции и с применением новых сплавов. И после испытания этих орудий со снарядами обычной и улучшенной формы выдать итоговые рекомендации.

Параллельно с этим под ту же линейку боеприпасов было необходимо разработать полевую гаубицу корпусного или армейского подчинения, по типу «нечто среднее между гаубицей Шнейдера образца 1910 года и гаубицей Д-1 образца 1943 года нашей истории». Главные требования – раздвижные станины для быстрого маневра огнем по фронту, угол вертикальной наводки не менее сорока пяти градусов и вес орудия в походном положении не более двух с половиной тонн.

По ходу работы и Белый, и Маниковский непрерывно делали заметки в свои рабочие блокноты. 120-мм пушка-гаубица-миномет Белого с Маниковским не заинтересовала. И все у нее было хорошо: и вес, меньший, чем у трехдюймовой пушки образца 1902 года, и хорошая мощность снаряда, и достаточно высокая дальность стрельбы. Только вот система орудие-выстрел с готовыми нарезами на снаряде для начала двадцатого века была избыточно сложной и трудоемкой в производстве. Так что пришлось отложить реализацию этой идеи до будущих времен, и строить гаубицы калибром меньше шести дюймов, как уменьшенные копии главного прототипа.

Через несколько часов, когда солнце уже клонилось к закату, начальник ГАУ и его заместитель закончили работу и засобирались обратно в Петербург, увозя с собой огромный объем впечатлений, множество заметок, образцы металла для анализа и другие ценные вещи. Как говорится, лучше один раз увидеть своими глазами и пощупать собственными руками, чем сто раз услышать рассказы очевидцев.

А адъютанта агенты 2-го департамента ГУГБ взяли прямо во время встречи с французским атташе. Кому суждено быть повешенным за измену и шпионаж, тот не утонет даже в Финском заливе.

20(7) августа 1904. Санкт-Петербург. Новая Голландия.

Тайный советник Тамбовцев Александр Васильевич

«Евстраткины детки», как всегда, сработали «на пятерку». Филеры Особого отдела Департамента полиции, коими руководил их начальник, Евстратий Медников, сели на хвост человеку, который встречался в ресторане «Мало-Ярославец» с лидером эсеров-максималистов Михаилом Соколовым и проследили, куда этот таинственный незнакомец направился из ресторана.

– Похоже, вашбродь, этот Лупоглазый – опытный в таких делах человек... – Филер, крупный мужчина лет тридцати, с густой окладистой бородой, внешне похожий на дворника, лично докладывал мне все подробности слежки. – Он сменил несколько извозчиков, потом перебежал улицу перед самым носом конки и сиганул в проходной двор. Мы с напарником вели его до мебелированных комнат «Белград», что на Невском, дом 81. Он зашел туда и пробыл часа два. Потом Лупоглазый вышел и пошел по Невскому, по направлению к Адмиралтейству. По дороге он заглянул в кофейню «Доменик» на Невском, 24, где заказал чашечку кофе и пару пирожных. После он присел за столик и сыграл партию в шахматы с худым господином среднего роста, со светлой бородкой и усиками, которому мы дали кличку «Француз» – уж очень он был похож на маркиза или графа. О чем они меж собой говорили, я не слышал. Но я видел, как Лупоглазый незаметно передал какую-то бумажку Французу.

Потом, когда они наигрались, первым ушел из кофейни Француз, а потом и Лупоглазый. За Французом пошел мой напарник, а я отправился следом за Лупоглазым. Он немного погулял по Невскому, а затем вернулся в мебелированные комнаты «Белграда» и больше оттуда не выходил.

– А куда направился «Француз»? – спросил я.

– Вашбродь, – улыбнулся филер, – а ведь я не ошибся, когда дал ему эту кличку. Он направился по Литейному проспекту в направлении Сергиевской улицы, а там зашел в дом 10, где располагается посольство Австро-Венгрии. Этот Француз и на самом деле оказался французом. Зовут его Пьер Дюпон. Он служит в Австрийском посольстве секретарем. Это мне дворник тамошний рассказал. Он работает на охранное отделение.

– Молодец, – искренне похвалил я филера. – Вы со своим напарником славно поработали. Вот, возьмите, – я протянул ему конверт с двумя «сашеньками» – денежными купюрами достоинством 25 рублей. Свое, несколько фамильярное название они получили из-за того, что на них был изображен император Александр III.

– Покорнейше благодарю вас, вашбродь, – бородач отвесил мне чуть ли не поясной поклон.

– И не забудь поделиться со своим напарником, – напомнил я ему. – Да, кстати, а почему вы назвали наблюдаемого Лупоглазым?

– А он, вашбродь, все время глазами лупает – туда-сюда, туда-сюда, – филер, довольный донельзя, спрятал конверт во внутренний карман своего пиджака, после чего еще раз поклонился и направился к выходу.

Когда дверь за ним закрылась, я сел за стол и стал думать. Уж очень мне не нравилась вся эта развеселая компания. «Товарищ Герасим», оказавшийся гражданином САСШ Сэмом Гольдбергом и направленный в Россию махровым русофобом банкиром Якобом Шиффом, отморозок-террорист Михаил Соколов и француз Пьер Дюпон, который, по имеющейся у нас информации, действительно служил в посольстве Австро-Венгрии и был доверенным лицом венских и парижских Ротшильдов. Такой вот получается пасьянс, который в самом скором времени может изрядно попортить нам кровушки. А так же пролить ее, причем в немалом количестве.

Первым моим желанием было отдать приказ об аресте Соколова и Сэма Гольдберга. У «Медведя» грехов хватит на три виселицы и на пять бессрочных каторг на сдачу. У «Товарища Герасима», я уверен, тоже найдется кое-что такое, что потянет на отправку его под конвоем в места не столь отдаленные. Ну а месье Дюпона можно без особых заморочек объявить персоной нон грата, и пусть он с миром катится в свой родной город вальсов и оперетт, где, судя по досье, и находится его постоянное место жительства.

Но, тщательно все взвесив, я принял другое решение. Ну допустим, поймаем мы, осудим всю эту гоп-гвардию – и что, на этом все кончится? Как бы не так – Якоб Шифф и Ротшильды наймут других отморозков, которых мы еще не знаем, и те начнут в России террор – со взрывами, захватами заложников и политическими

убийствами. А нам этого надо меньше всего. Так что придется работать с уже известными нам террористами и боевиками. Рискованно? Естественно, рискованно... Но иначе у нас едва ли выйдет что толковое.

Я еще раз перечитал досье, подготовленное для меня охранным отделением и дополненное информацией из наших источников о «Союзе социалистов-революционеров-максималистов». Да уж... Отморозки первостатейные. Вот что говорил Соколов в узком кругу своих сторонников: «Мы признаем все формы борьбы – от стачек, бойкота до террористических актов против наиболее видных представителей политического и экономического гнета и уничтожения политических учреждений, причем эту борьбу постоянно освещает наша главная цель: поднятие широкого вооруженного восстания для захвата городов и установления в них трудовой республики».

Ну просто Пол Пот какой-то! Нет, пока мы не будем его трогать, но как только закончится операция по разгрому террористов-максималистов, этого головореза надо первым поставить к стенке. Кстати, и всю его банду тоже. Этих только пуля остановит.

Насчет операции... С максималистами работать придется с большой осторожностью. Эти бандюки не ценят ни свою, ни чужую жизнь. А потому не задумываясь пускают в ход оружие. Например, когда в августе 1906 года они пытались убить Столыпина на его даче на Аптекарском острове, и охранник не пускал в подъезд, один из покушавшихся, одетый в форму жандармского офицера, бросил себе под ноги портфель, набитый взрывчаткой. Все трое покушавшихся были убиты, а с ними погибли 32 человека, в том числе и те, кто пришел на прием к Столыпину. Еще 22 человека были ранены. От дачи остались одни развалины, но сам Столыпин уцелел.

Максималисты имели множество филиалов в различных городах Российской империи. Правда, каждая из их боевых групп была автономна и действовала на свой страх и риск. Этим они изрядно смахивали на анархистов. А вот это весьма интересно... Что если провести операцию по внедрению нашего человека в боевую организацию максималистов, которую возглавляет Медведь? Допустим, он прибудет из какого-нибудь губернского города, с рекомендательным письмом от одного из тамошних «авторитетов». В ходе беседы с близким к Соколову боевиком наш человек словно невзначай сообщит, что у него есть родственник, работающий в Новой Голландии – не на высоких должностях, а так, из обслуживающего персонала, но имеющий разрешение доступа на территорию

и падкий на деньги. Наверняка об этом разговоре доложат Медведеву.

Я полагаю, что Соколов не упустит возможности использовать такой удачный случай. Ведь наши оппоненты за рубежом давно точат на нас зубы. И одним из объектов для проведения террористической акции наверняка является наша контора. Нет, Медведев, человек азартный и отчаянный, точно попытается нас взорвать... А мы ему подыграем.

Что мы выиграем? Если удастся повязать всю эту банду с поличным, мы предотвратим террористические акты в Санкт-Петербурге, выявим связи максималистов с другими боевыми отрядами на периферии, а самое главное – на скамье подсудимых окажутся зарубежные организаторы взрывов и убийств. Это даст нам возможность серьезно надавить на Австро-Венгрию и фактически поставить вне закона кое-кого из заокеанских спонсоров террора в России. И вообще, давно пора переходить от отлова и истребления пешек к охоте на королей и ферзей этой игры. Те, кто использует террористов для решения своих политических задач, на собственной шкуре должны испытать все прелести таких методов. Как говорили древние, «око за око, зуб за зуб». Без Ротшильдов, Кунов, Леебов, Шиффов и прочей банкирской мрази дышаться в мире будет легче.

Заманчиво, хотя, как я уже говорил, весьма опасно. Надо обсудить этот вопрос с императором. Кстати, завтра я должен быть в Зимнем дворце с докладом о нашей работе. Вот тогда мы в приватной беседе с товарищем Михаилом и переговорим на эту тему.

21 (8) августа 1904 года, Полдень. Скорый поезд Симферополь-Санкт-Петербург, где-то в окрестностях Тосно.

Агент Дворцовой полиции и просто красивая женщина Наталья Вадимовна Никитина

Скорый поезд подходил к вокзалу Тосно. За большими стеклами пульмановского вагона мелькали телеграфные столбы, бескрайние леса, которые время от времени сменялись серебром речек и ручьев, окруженных заливными лугами с копнами подсыхающего сена. Иногда в этот почти первозданный пейзаж вторгались крестьянские поля, засеянные, скорее всего, рожью. Кое-где мужики

уже приступили к уборке, торопясь воспользоваться последними теплыми днями короткого северного лета. А где-то впереди, уже близко, была серая громада столицы Империи, Северной Пальмиры, современного Вавилона – беспощадного города, который никому не верит, никого не жалеет и покоряется только сильным и безжалостным людям. По крайней мере, мне так казалось.

Николай Бесоев как раз и был таким сильным и безжалостным к врагам человеком, с нервами и мышцы, сделанными из стали. Я задумчиво смотрела на него, сидящего напротив, и пыталась предположить, что меня ожидает, если я свяжу с ним свою жизнь. Ведь, наряду с качествами сурового бойца, он обладает чуткостью, тактом и тонкой эмоциональностью. А кроме того, он нежный и очень ласковый любовник... И мое редко ошибающееся чутье подсказывает мне, что он наверняка может стать любящим мужем, посвящая себя семье в перерывах между опасными заданиями. Да, это несомненно – главным делом для него всегда будет работа. Что ж, я, собственно, готова принять тот факт, что семья для него может находиться на втором, а то и на третьем месте. Мне всегда нравились именно такие мужчины – ибо ничто, по моему представлению, не делает представителя сильного пола мужчиной, кроме как любимая работа, связанная с риском и опасностью. И меня тешила мысль, что с такими темпераментом, способностями и знакомствами мой Николя непременно станет генералом, флигель-адъютантом и правой рукой нашего молодого императора, если, конечно, с ним ничего не случится.

А Николя порой бывает страшен. Я не имею в виду наши женевские приключения, где мы выполняли задание в чужой стране – там его решительность и жесткость были вполне естественны. История, которая смутила, но при этом и впечатлила меня, произошла за день до нашего отъезда из Ялты.

Вот как это было. Прогуливаясь по парку, мой милый почувствовал настоящее желание посетить уединенный белый домик, в который даже короли ходят пешком и в одиночку. Наверное, перед этим мы выпили слишком много сельтерской... Пока мой Николя отсутствовал, я медленно прогуливалась поодаль вдоль окруженной цветущими розовыми кустами узкой аллеи. Здесь было малоллюдно, и мне как-то не пришло в голову, что сейчас я похожа на скучающую одинокую барышню. Я была настолько расслаблена, что совсем не ожидала неприятностей. И, как оказалось, зря. Внезапно из-за поворота на аллею вышли два небрежно одетых юнца. Окинув сальными взглядами мою фигуру, они с ходу предложили мне «немного поразвлечься за хорошие деньги».

Их развязность подогривала изрядная доза спиртного. Они находились в состоянии, когда человек еще стоит на ногах, но море ему уже по колени.

Мне стало неприятно от того, что меня приняли за проститутку – и это при том, что в данный момент я вовсе не была похожа ни на жрицу любви, ни на ветреную дамочку. Мой спокойный решительный отказ молодые люди проигнорировали. С гадкими ухмылками, дыша винными парами прямо мне в лицо и перекидываясь пошлыми комментариями, они попытались силой увлечь меня с собой. Как же мне не хотелось применять те приемы, которым меня учили... Если бы я воспользовалась ими, то, возможно, разгоряченные донжуаны умерили бы свой пыл. Однако не факт – ведь их было двое.

Но, к счастью, мне не пришлось долго терзаться сомнениями, стоит ли ломать им пальцы. Неслышно за их спинами появился Никола. Увидев новое действующее лицо этой трагикомедии, подвыпившие искатели приключений быстро поняли, что они сильно ошиблись. Однако Никола не стал ждать их извинений. Он нанес несколько молниеносных ударов ловеласам, и те рухнули на землю. Когда же они пришли в себя, то с удивлением увидели в футе от своих лиц ствол браунинга. Никола заставил их лечь лицом вниз и положить руки на затылок. После чего пообещал пристрелить их как собак за нападение на офицера спецслужб, то есть на меня.

Те что-то испуганно лепетали, косясь на меня, и весь их вид выражал глубокое и искреннее раскаяние. От неожиданности и испуга эти мерзавцы мигом протрезвели. Прибежавшему на шум городовому мой милый показал свои документы офицера ГУГБ и заявил, что эти двое попытались совершить насилие в отношении его невесты. Полицейский так впечатлился происходящим, что стал заикаться, козырять невпопад, при этом именуя Николая «вашим превосходительством», словно он был генералом.

Вот так я неожиданно узнала, что меня считают уже «офицером спецслужбы», и к тому же «невестой, почти женой». С одной стороны, это было приятно, а с другой, несколько меня напугало. Тогда-то я и задумалась о том, какова будет моя судьба, если я действительно стану его супругой.

Хочу ли я, дочь мелкого чиновника и провинциальной дворянки, такой судьбы себе и своим будущим детям? Стать мадам Бесоевой и жить как в стеклянной клетке, на виду у всего света и одновременно в тени мужа. Быть вхожей в самый элитный и самый закрытый клуб Империи, и все время чувствовать, что я там

никому не ровня. Рожать детей и знать, что они, как и их отец, станут мишенью для всякого рода террористов, что их жизнь в любой момент может унести бомба, пуля или нож.

Но в то же время сердце мое говорило, что оно уже отдано этому человеку, который понимает каждое движение моей души, с деликатностью относясь к сердечным ранам моего прошлого и с восторгом отвечая на мою искреннюю симпатию, которую я хотела бы назвать любовью.

Он даже сделал мне предложение – как бы в шутку, но тут же добавив, что хотел бы, чтобы этот наш совместный отпуск длился целую вечность, и что он готов похлопотать о моем переводе из Дворцовой полиции в ведомство господина Тамбовцева, чтобы я была ближе к нему. А там, мол, и до свадьбы недалеко.

Мысль о свадьбе с этим человеком вызывала во мне противоречивые чувства. Я видела, что, несмотря на шуточный тон, с его стороны все очень серьезно – он явно не из тех, кто морочит девицам головы. Однако у меня порой возникало смутное беспокойство: мне казалось, будто я недостаточно хорошо его знаю. Порой, когда в жарких объятиях на смятой простыне он целует и обнимает мое тело, я чувствую, что мной овладевает не цивилизованный и культурный европейский человек, а необузданный дикарь... Его темперамент ошеломляет – кажется, что ему с большим трудом удастся сдерживать свои порывы... Мне это безумно нравится – словно во время постельных битв две сущности борются в нем, и это возбуждает до дрожи. Именно это дает мне моменты наивысшего восторга – но все же, если трезво поразмыслить, это пугает и заставляет задумываться. Кто же он, Николай Бесоев, и чего от него ждать?

Господи, помоги мне сделать выбор! Ибо уже скоро, на Николаевском вокзале столицы, я скажу моему милому либо что принимаю его предложение, либо что мы расстаемся и больше никогда не встретимся. Господи, дай мне мудрость отличить любовь от страсти, дай силу и стойкость до конца пройти выбранный путь...

Будто почувствовав мои мысли, Николя протянул руку, улыбнулся и нежно погладил меня по предплечью. О, какой же прилив счастья я ощущала в такие минуты... Забывались все сомнения, беспокойство казалось смехотворным. Он действительно любил и боготворил меня, но все же я пока не знала, должна я прильнуть к его груди или бежать от его любви... Мне приходилось делать

над собой усилие, чтобы не поддаться дурманящей волне и сохранить способность трезво рассуждать.

Он, конечно же, мгновенно уловил то, что моя мысль сделала некий поворот. В силу своей чуткости он вообще безошибочно улавливал любые перемены в моем настроении. Вот еще одна особенность, которая смущает меня с тех пор, как я стала задумываться о совместной с ним жизни. При этом я понимала, что такая редкая особенность в близком человеке – это то, за что следует благодарить Бога. Но в то же время с тревогой и сожалением мне приходилось осознавать, что вся проблема во мне... Это я пока не готова была полностью открыться этому человеку. И сейчас впервые меня кольнула мысль – а смогу ли я сделать его счастливым?

Моя тревога моментально, по каким-то незримым каналам, достигла его разума. Он внимательно заглянул мне в глаза и, накрыв мою руку своей, сказал тихо и серьезно, с той тональностью в голосе, с которой произносятся только жизненно значимые вещи:

– Я понимаю твои сомнения, Натали. И я не собираюсь давить на тебя. Каким бы ни было твое решение, я отнесусь к нему с уважением. Хочу лишь сказать – не бойся. Ничего не бойся. Я принимаю и люблю тебя такой, какая ты есть, и пока мы вместе, я никому не позволю обращаться с тобой неуважительно. Узнав меня получше, ты поймешь, какие мы на самом деле – мы, люди из другого мира. Ты многому научишься. Ты начнешь больше доверять себе. Ты будешь всегда чувствовать поддержку и опору, а также собственную силу и значимость. Ты сделаешь много интересных и радостных открытий. Мы будем постепенно узнавать друг друга, в чем-то направлять, в чем-то влиять один на другого. Встретив тебя, я понял, что готов к браку. Я не сомневаюсь, что ты – та женщина, которая предназначена мне судьбой. Мы с тобой достаточно зрелые люди, и я надеюсь, мы не позволим мелочам омрачать нашу жизнь. Я такой, какой есть – вот я весь перед тобой как на ладони, и мне нечего скрывать от тебя, милая Натали... Я обещаю, что буду хорошим мужем. Натали... – Его голос сорвался от волнения, он немного помолчал, затем продолжил говорить, с возрастающей страстностью: – Прости, что до этого момента я не сделал тебе официального предложения. Неудивительно, что ты сомневаешься во мне, подозревая, быть может, некоторое лукавство в моих словах. Возможно, ты испытываешь неуверенность в своем будущем. Но сейчас я говорю тебе со всей серьезностью: Натали, я люблю тебя и прошу твоей руки и сердца...

По мере того как он говорил, мои глаза расширились, а беспокойство и сомнения неудержимо отступали. Покой воцарялся в мой душе, и радостное ликование овладевало всем моим существом. Мне хотелось одновременно и плакать, и смеяться. Словно я опять стала юной барышней – наивной и восторженной, и прекрасный витязь делает мне предложение стать его женой...

Даже сейчас мой избранник в полной мере проявил особенности своего характера и потрясающей интуиции – в одно мгновение он рассеял мои сомнения и вселил в меня уверенность, что все у нас с ним будет хорошо. Он нашел именно те слова, которые достигли самых глубин моего существа... И теперь он смотрел мне в глаза с ожиданием, и легкая улыбка чуть трогала уголки его губ. Ладонь его, лежащая поверх моей ладони, слегка подрагивала – и только это выдавало его волнение. Мне хотелось растянуть этот восхитительный момент, который стремительно подходил к своему логическому завершению. Мне очень хотелось навсегда запечатлеть его в памяти... Запомнить моего витязя вот таким – с волнением ожидающим моего «да», застывшего, смотрящего мне в глаза с любовью и восхищением, преданностью и страстью... Легкий страх читался в его глазах: что, если я ему откажу? Но не было в моей медлительности и малой толики того чувства, которым руководствуется записная кокетка, наслаждаясь муками кавалера, желающего перейти в разряд женихов. И он, мой Николая, конечно же, знал это.

И наконец, за мгновение предвосхитив свой ответ счастливой улыбкой, я потупила взор и еле слышно прошептала:

– Я согласна...

22 (9) августа 1904 года, Утро. Санкт-Петербург, Новая Голландия.

Штабс-капитан Николай Арсеньевич Бесоев

Первым делом, еще вчера вечером, я наскоро отчитался перед Дедом о своей поездке в Ялту. Ведь отпуск отпуском, а обычный порядок ведения дел никто не отменял: где был, что видел, с какими людьми свел знакомство, а также анализ политической и социальной обстановки в месте пребывания, настроения в тамошнем обществе и прочие мелочи, которыми тут до нас пренебрегали, что в конечном итоге и привело страну к трем революциям и величайшему

социальному эксперименту в истории. Величайший социальный эксперимент, кажется, все равно состоится, только на этот раз осуществляться он будет сверху и при строжайшем контроле спецслужб. Для того и необходима наша внешне незаметная работа, которая даст начальству представление о том, какие изменения в стране уже назрели, и как их лучше осуществлять.

При встрече Дед дал мне понять, что в самое ближайшее время намечается еще одна заграничная командировка, на этот раз куда дальше Швейцарии – на другой берег Атлантического океана, в славный город Нью-Йорк. Люди, которые активно финансируют подрывную деятельность против России, должны получить то, что заслужили. И организация этой операции ложится на плечи вашего покорного слуги. Именно организация, потому что всю черновую работу будут другие люди, племя младое и незнакомое.

А мы с Натали (вопрос о ее переводе из Дворцовой полиции в ГУГБ уже фактически решен) будем изображать богатую супружескую пару. Наше дело – координировать процесс ликвидации, а также быть тайными посредниками между исполнителями, в роли которых могут выступать и криминальные элементы. Правильно приложив голову и деньги, можно добиться того, чтобы процесс ликвидации нехороших людей весело и ненавязчиво протекал на основе самообслуживания. Пусть они, введенные в заблуждение, сами истребляют друг друга. А мы будем всем этим управлять. Но это уже высший пилотаж.

Утром, надев на себя цивильный костюм и мягкую шляпу, я вышел из ворот Новой Голландии и по Конногвардейскому бульвару пошел в сторону Александровского сада. Погода была пасмурная, ночью прошел мелкий дождик и сейчас в воздухе витал сырой запах надвигающейся осени.

Вот уже больше полугода мы находимся в начале XX века, а я все никак не могу привыкнуть к специфическому амбре здешних городов, в котором главную роль вместо выхлопных газов играют размокшие сейчас под дождем конские «яблоки», которые не успевают убирать дворники, и отчасти прелые листья, опавшие со столетних деревьев. Тихое патриархальное время, которому еще только предстоит стать тем самым гроыхающим и ревушим XX веком, который мы все знаем...

С Натали мы встретились на углу Вознесенского и Адмиралтейского проспектов, немного полюбовались на Исаакиевский собор, потом вошли в Александровский сад и по его дорожкам под ручку, не спеша, прогулочным шагом, пошли

в сторону Зимнего дворца. Народу в это сырое и холодное утро понедельника было немного – можно сказать, что весь сад был в нашем полном распоряжении.

Мы шли, и мокрые деревья роняли на нас последние задержавшиеся на сучьях капли воды. Мокрая земля пахла грибами и прелыми листьями. То, что со стороны выглядело как невинное воркование влюбленных, на самом деле было предельно жесткой постановкой задачи.

Первым делом я сказал моей милой, что вопрос с ее переводом в ГУГБ решен положительно, и даже, более того, нас и дальше будут посылать на задания вдвоем, ибо у нас неплохо получается изображать супружескую пару, коей мы в ближайшем будущем и станем. В этом деле начальство нас только приветствует. Самое главное, чтобы мы всегда возвращались из наших экспедиций живыми и здоровыми, а не как в прошлый раз...

– Милый, – нежно проворковала Натали, – если бы там, в Баку, я была с тобой, то эти бы дашнаки живыми от меня не ушли бы, и ты тоже остался бы цел и невредим.

– Аминь, – ответил ей я. – На самом деле мы все там слегка замешкались, потому что не приняли этих бандитов всерьез. Это послужит нам уроком, что не стоит недооценивать врага. Парни, которые всегда метко стреляют первыми, потом обычно и пишут мемуары.

– Да, – кокетливо сказала Натали, – надеюсь, что когда-нибудь ты напишешь очень интересные мемуары. Мне уже сейчас хочется их почитать.

– Ты будешь первой, кому я их покажу, – ответил я, и в том момент мы вышли из Александровского сада, и перед нами открылся простор Дворцовой площади с возвышающимся в ее центре Александрийским столпом.

– Вот, – шутливо сказал я, кивком указывая на это сооружение, – христианству почти две тысячи лет, а на главной площади главной христианской страны преспокойно стоит языческий символ плодородия, олицетворяющий тот орган, которым мужчины делают детей. Во как!

– Неужели? – Натали слегка смутилась и прикрыла рот ладошкой. – Да как такое возможно?

– Как видишь, возможно, – кивнул я, любуясь на исторический вид Зимнего дворца, – человечество не переделает никакими идеями и социальными экспериментами. По сути, оно до сих пор сидит у костра в пещерах, кутаясь в шкуры. Только игрушки у мальчиков стали больше и дороже.

Натали вслед за мной посмотрела в сторону Зимнего дворца и вздрогнула.

– Милый, – сказала она, – ты мне так не сказал, куда, собственно, мы идем?

– Разве? – деланно удивился я. – Так вот же, мы почти пришли. В силу моей профессиональной деятельности и положения у меня имеются многочисленные знакомства, в том числе и в высоких кругах Империи. Среди них всего двое имеют право отдавать мне приказы. Нашего с тобой непосредственного начальника – главу ГУГБ тайного советника Тамбовцева, по прозвищу «Дед» – ты уже знаешь. А сейчас мы идем ко второму, который самый главный. Он хочет не только лично проинструктировать нас перед ответственным заданием, но и посмотреть на ту, что сумела завоевать мое сердце.

– Ой, что же ты мне раньше об этом не сказал? – растеряно произнесла Натали. – Ведь я одета по-простому...

Уж кто-кто, а она прекрасно знала, кто может отдавать приказы главе ГУГБ, и была растерянна от того, что ей предстояло встретиться с самим императором Михаилом.

– Это неофициальная аудиенция, – попытался я успокоить любимую, – и потом, особых правил для приглашенных на нее не существует, ну, кроме одного. В частном порядке император Михаил принимает кого хочет, где хочет и как хочет. Так что мы с тобой идем как раз по такому частному приглашению, и нас тобой, минуя дворцовую бюрократию, проведут прямо к императору. Людей, удостоившихся такой чести, вообще немного, и ты теперь можешь гордиться, что вошла в их число. Это тебе понятно?

– Понятно, милый, – кивнула Натали, – я знала, что ты у меня птица высокого полета, и горжусь этим.

– Очень хорошо, – сказал я, – теперь соберись, сделай вид, что тебе по колению не только какое-то там море, но и целые океаны, и давай, шагом марш, не оглядываясь...

И мы пошли.

22 (9) августа 1904 года, Утро. Санкт-Петербург, Зимний Дворец, Готическая библиотека.

Штабс-капитан Николай Арсеньевич Бесоев

Мы подошли к боковому (Салтыковскому) подъезду Зимнего дворца, которым пользуются лишь особо доверенные царю лица. Там нас встретил флигель-адъютант императора, чтобы провести в рабочий кабинет царя. Он шепнул что-то камер-фурьеру, и тот, с любопытством посмотрев на нас, захлопнул свой журнал, куда должен был записывать всех, кто удостоился императорской аудиенции. Должен был, но не записал.

Хоть Натали и служила в Дворцовой полиции, в Зимнем дворце ей бывать пока не приходилось. После убийства Николая II и попытки гвардейского переворота теперь Зимний дворец охраняли моряки Гвардейского флотского экипажа и лихие ветераны – дворцовые гренадеры. Но в самое ближайшее время их сменят прославленные в боях морпехи-тихоокеанцы, чье гвардейское звание XXI века император Михаил приравнял к российской гвардии XX века.

Флигель-адъютант царя провел нас на второй этаж, где располагалась хорошо знакомая мне Готическая библиотека. Как то, разоткровенничавшись, Михаил рассказал мне, что сначала пытался обосноваться в рабочем кабинете брата. Но ему там было ужасно неуютно, словно призрак убиенного императора незримо присутствовал где-то рядом. Кстати, то же самое чувствовала и слегка повредившаяся умом несчастная Аликс, которой казалось, что ее покойный муж просто куда-то вышел и вот-вот вернется. Поговаривали и о призраке императора, который тихо бродит по коридорам Зимнего дворца, а в его пустом кабинете по ночам иногда горит свет.

Тогда я предположил, что это действует тень, которую на местные события отбрасывает наш не измененный вмешательством мир. Там по Зимнему дворцу

действительно гуляет живой император Николай Александрович, генерал Ноги ведет потомков богини Аматерасу на первый штурм Порт-Артура, который будет стоять японской армии двадцати тысяч солдат и офицеров. А вторая Тихоокеанская эскадра еще не отправилась с Балтики в свой последний путь к Цусиме, и пижон Рождественский еще хорохорится на петербургских балах...

Вот для того чтобы не попадать под мрачную и унылую тень тех событий, я и предложил императору Михаилу дистанцироваться от тех мест, которые любил посещать его брат, и постараться максимально развести ветки истории, чтобы пропала падающая на нас тень ТОГО мира. Все это звучит фантазмагорично, но, наверное, в этом что-то есть. Ведь вся та мистика, которой народ пичкали в наше время, наверняка тоже на чем-то основана. Тут, кстати, есть свои местные гуру, ничуть не хуже наших, доморощенных. И хоть мать русской мистики и оккультизма Елена Блаватская скончалась в Лондоне еще в 1891 году, у нее предостаточно учеников и последователей. И сейчас они рвут друг у друга из рук ее осиротевшее знамя. Ими на полном серьезе занимается ГУГБ, пытаясь из всей той белиберды, которой пичкают умы доверчивых людей многочисленные мошенники, шарлатаны, иностранные шпионы и просто сумасшедшие, выделить редкие зерна истины. Оставить без присмотра всю эту шоблу, вхожую в великосветские салоны, тоже было весьма опасно. Ведь там один агент влияния сидит на другом. Кое-что у нашего Деда получается, но при этом в либеральной прессе стоит такой визг, словно кабанчика режут.

Каким-то боком наше новое задание, по поводу которого меня вызвал к себе вполне серьезно относящийся ко всем подобным делам император Михаил, должно касаться и этой интересной темы. Ведь Америка, в которую мы должны отправиться вместе с Натали, максимально удалена от эпицентра событий на Тихом океане, и в столице Российской империи и там еще царит старый мир, не претерпевший особых изменений.

Цунами перемен докатится и до Нью-Йорка с Вашингтоном. Но это будет потом, когда мы активно вмешаемся в игру вокруг создания ФРС. К сожалению, держатели японских бондов пока банкротиться не начали, ибо у рынка есть надежда, что долги Японии оплатит Россия. Но когда мы покажем им всем дулю, весело станет всем, а не только французам.

Император принял нас как обычно, за своим рабочим столом, заваленным книгами и бумагами. Трудолюбием он пошел, похоже, в своего батюшку, Александра III. В отличие от своего брата, относившегося к царской работе

спустя рукава, он действительно много и напряженно работал. И корабль Империи уже начал отзываться на его усилия, ложась на новый, устойчивый государственный курс.

Оторвавшись от очередной бумаги, он вежливо поздоровался с нами и попросил присесть. Бросил быстрый взгляд на Натали, которая чувствовала себя в непривычной обстановке несколько скованно. Видимо, впечатление, которое произвела на императора моя невеста, его удовлетворило: немного помолчав, он сразу приступил к делу.

– Господа, – улыбнувшись какой-то своей мысли произнес Михаил, – позвольте поздравить вас с решением связать свои судьбы. Не каждому дано встретить свою суженую, так сказать, прямо на поле боя. Но я искренне рад, ибо надеюсь, что ваши дети будут так же преданно служить Отечеству, как и их родители. Свадебный подарок за мной, но что это – пусть пока будет для вас сюрпризом.

– Благодарю вас, ваше императорское величество, – ответила моя любимая, привстав со стула и сделав полупоклон. – Мы постараемся оправдать ваше доверие.

– И еще, – добавил император, глядя на мою дорогую Натали, – для тех, кто приходит в этот кабинет в качестве моих личных друзей, не существует «ваших императорских величеств» и прочих титулов. Ваш муж, как мой друг и доверенное лицо, имеет право тета-тет обращаться ко мне просто Михаил. Ну а вы, как особа женского пола и младше меня по возрасту, можете называть меня просто Михаилом Александровичем.

– Как вам будет угодно, Михаил Александрович, – произнесла Натали, скромно опустив глаза, – мы с Николя внимательно вас слушаем. Насколько я поняла, речь пойдет о работе в Североамериканских Соединенных Штатах?

– Да, – подтвердил император, – и отправитесь туда вы уже в качестве супружеской пары интеллигентов с несколько либеральными взглядами, которых пугает охвативший Россию мрак тирании. Вы меня понимаете, Николай?

– Мне все понятно, – ответил я, – с момента подавления мятежа и вашего воцарения поток таких эмигрантов постоянно растет, и мы в нем легко затеряемся.

– Вот именно, – кивнул император, – опыт подобных совместных заграничных командировок у вас есть, так что, как говорится, вам и карты в руки. Одновременно с вами будет послано еще несколько других групп, связи с которыми вам передадут в случае необходимости. Вашей задачей-максимум станет организация в Америке легальных групп влияния, которые обеспечили бы ее лояльное отношение к России, по меньшей мере, на ближайшие двадцать лет. Возможно, что вы лишь начнете эту работу, а продолжат ее другие люди. Задачей же минимум для вас станет организация нелегальной резидентуры и боевой организации для совершения на территории противника экономических диверсий и устранения врагов России. Скажу вам прямо, господа: те банкиры, что дают деньги террористам и выбирают для них цели, должны быть обезврежены как можно быстрее. Неплохо было бы, если бы вам удалось сорвать создание ФРС или повлиять на этот процесс таким образом, чтобы в Америке появился обычный государственный банк...

Император сделал паузу и внимательно посмотрел на нас. Увидев, что мы слушаем его со всем вниманием, он продолжил:

– В этом благом деле вы можете сотрудничать с агентами германской разведки и борцами за независимость Ирландии, которые в последнее время активно ищут с нами контакты. Естественно, сотрудничество должно быть строго дозированным, и лишь в той пропорции, которая обеспечит успешное выполнение вашего основного задания. Обратите внимание на японских кули, которых много на Тихоокеанском побережье Америки. Мой тесть обещал нам полное содействие своей военно-морской разведки. Также в южных штатах требуется поискать политические силы, готовые снова поднять знамя Конфедерации. Необходимо сделать так, чтобы в определенный момент Североамериканские Соединенные Штаты охватила смута. Бить – так наповал.

Я взглянул на Натали. Она внимательно слушала императора, даже рот приоткрыла. Прикажи он ей сейчас убить британского короля, папу Римского и Далай-ламу, она сделает это, не задумываясь. Действительно, со времен Петра Великого на Российском троне не было столь харизматичного монарха. Увидев, что мы «вникли», Михаил вздохнул и решил закругляться.

– Более точные и конкретные инструкции вы получите у вашего непосредственного начальника Александра Васильевича Тамбовцева, – сказал он. – А сейчас я и императрица приглашаем вас на чаепитие. У нас

радость. Пока вы, Николай, отдыхали на Юге, подтвердилось, что супруга моя непрадна, и вскоре она порадует наших подданных сыном или дочкой.

23(10) августа 1904 года. Санкт-Петербург. Конспиративная квартира ГУГБ на Кирочной улице дом 48.

Глава ГУГБ Тамбовцев Александр Васильевич

Получив благословение на брак и на долгую и трудную работу в Америке, Коля Бесоев и его невеста и без пяти минут жена Натали Никитина ушли, что называется, в подполье. До момента переброски их в страну пребывания они пройдут строжайший инструктаж, тщательно вызубрят свои новые биографии, по возможности изменят внешность, и потом их перебросят в США. А мы проведем операцию прикрытия, устроив нашей сладкой парочке «поездку» на Дальний Восток. Там, где-нибудь в Харбине, они станут жертвой нападения грабителей-хунхузов. Местные и столичные газеты опубликуют трогательный некролог, из которого все узнают о произошедшей трагедии. Знавшие их поплачут и помянут незлым тихим словом двух замечательных людей, так рано ушедших из жизни. Жестоко? Пожалуй, да... Но, к сожалению, такова специфика работы разведчиков-нелегалов.

Коля все это поймет, а вот как Натали? Она с недавних пор перешла под мое командование. Ее бывший начальник генерал Ширинкин охарактеризовал эту девицу как одного из лучших своих агентов.

– Александр Васильевич, голубчик, – сказал он мне, – поверьте, я, скрепя сердце, отдаю вам мадемуазель Натали. Она дорога мне, словно родная дочь. Но я спокоен, зная, что Натали будет работать под вашим началом. Вы не дадите ее в обиду и будете заботиться о ней так же, как о своем друге и подчиненном штабс-капитане Николае Бесоеве.

– Евгений Никифорович, помилуй Бог! – воскликнул я. – Разве я не забочусь обо всех своих сотрудниках, не стараюсь помочь им выпутаться из самых опасных ситуаций?! Поверьте, я сделаю все, чтобы эти молодые люди были счастливы. Рисковать они, конечно, будут, но это издержки наших профессий. Конечно, я могу найти Николаю и его будущей супруге тихое и безопасное местечко, но, поверьте, они после этого будут жаловаться на меня самому

императору, а я для них навеки сделаюсь врагом. Нет, Евгений Никифорович, я не смогу так поступить. Пусть они и дальше служат России, и да хранит их Господь!

– Аминь, – ответил мне генерал Ширинкин и пожал мою руку.

Евгений Никифорович входил в число тех, кто был в курсе подготавливаемой мною операции, и он не будет лить слезы, узнав о «страшной гибели» молодой супружеской пары.

Сегодня же я тайно посетил Николая и Натали на конспиративной квартире, где они будут оставаться до начала операции. Их двойники отправятся в путь на пассажирском поезде Санкт-Петербург – Владивосток, как только Коля и его будущая супруга под чужими фамилиями и именами сядут на пароход, следующий в Данию. А дальше у них будет все, как в гаданиях цыганки: «Дорога дальняя и большие хлопоты...»

Предупрежденный по рации о моем приходе, Николай открыл мне дверь сразу, буквально через секунду после того, как я поднялся по крутым ступеням черной лестницы старого доходного дома на лестничную площадку. Он увидел меня, поскольку над дверью была установлена миниатюрная видеокамера – с ее помощью можно было заранее опознать того, кто стучится в дверь, и в случае чего принять надлежащие меры. Из этой квартиры еще можно было попасть в соседнюю квартиру, парадный вход которой выходил на Потемкинскую улицу. Что ж, удобно и безопасно.

Молодые люди не бездельничали и не предавались любовным утехам – они усиленно зубрили свои легенды... Итак, Николай – потомок знатного, но бедного княжеского рода, который после окончания Тифлисской гимназии, а затем Тифлисского же юнкерского училища (по первому разряду), получил чин подпоручика и был направлен на службу в Карскую область Российской империи в гарнизонные части. Но служба в такой дыре, которой был в то время Карс, не понравилась князю Амилахвари, чей род происходил от легендарного Иотама Зедгендидзе, в свое время ценою собственной жизни спасшего от страшной смерти царя Грузии Георгия VIII. Подпоручик подал в отставку и стал подыскивать себе род деятельности, достойный его происхождения.

С началом мятежа «боксеров» в Китае отставной поручик вновь поступил на военную службу и поучаствовал в штурме Пекина в 1900 году. Он получил за это чин поручика и «клюкву» – орден святой Анны 4-й степени. Вернувшись в Тифлис, князь встретил там девицу Надежду Красовскую, которая только-только окончила 1-ю Тифлисскую женскую гимназию. С ней приключилось несчастье – во время поездки по Военно-Грузинской дороге ее родители погибли от рук знаменитого чеченского абрека Зелимхана Гушмазукаева из села Харачой. Надежда осталась круглой сиротой – со своим дальними родственниками, жившими в Варшаве, она была знакома лишь заочно, и не рассчитывала на их помощь.

В Тифлисе она познакомилась с князем Амилахвари – тот был сражен наповал ее красотой и, не раздумывая, предложил ей руку и сердце. Надежде пришлось по душе молодой и пылкий красавец, и она дала свое согласие. Они обвенчались в Саратове, где гостили у дальних родственников мадемуазель Красовской, о чем в местном соборе Сошествия святого Духа в метрической книге об этом событии появилась соответствующая запись (спасибо, постарались служители Дворцовой полиции).

Потом Надежда получила через своих варшавских родственников письмо из Нью-Йорка, в котором ее кузен (сын старшего брата отца) писал, что узнал о трагедии, произошедшей с его дядей, и приглашал кузину с мужем приехать в Североамериканские Соединенные Штаты. Вацлав Красовский писал, что владеет в Нью-Йорке небольшой фирмой, занимающейся ремонтом автомобилей. Мода на новый способ передвижения стала в САСШ повальной, но моторы (так называли тогдашние автомобили) часто ломались, и потому клиентов у Вацлава Красовского было много. Он обещал своей кузине и ее мужу работу в своей фирме. Предложение было более чем заманчивым, и супружеская чета Амилахвари после недолгих раздумий решила отправиться в Новый Свет.

Такова, вкратце, была легенда, под прикрытием которой Натали и Коля должны были отправиться в Нью-Йорк и обосноваться там, создав надежную разведсеть. Вацлав Красовский был вполне реальной фигурой. Еще в конце XIX века один из офицеров Российского Генштаба был направлен в САСШ, чтобы познакомиться с некоторыми тамошними новинками в области радиотехники и электричества. Там он выдал себя за эмигранта из Варшавы, бежавшего от русских угнетателей в страну «равных возможностей». Как выяснилось, «равные возможности» – это миф для простаков, и лишь считанные единицы смогли, что называется, «выбиться в люди» в Новом Свете. Прочих же ждала

судьба разноплеменных эмигрантов, влачивших полунищенскую жизнь в трущобах Нью-Йорка и Чикаго.

Вацлав Красовский поможет князю Амилахвари и его очаровательной супруге легализоваться в САСШ и завести нужные знакомства. Помимо этого, Николай Бесоев станет автономным резидентом нашей разведывательной сети. Он будет поддерживать связь при помощи радиостанции только с центральной штаб-квартирой ГУГБ, лично не выходя на контакт с руководителями других разведгрупп, обосновавшихся в крупных городах Западного и Восточного побережий САСШ. В случае необходимости отдать им приказ или получить информацию он сможет использовать объявления в газетах, а также так называемые «почтовые ящики». Еще в его персональном распоряжении будет небольшая группа «ликвидаторов», предназначенных охотиться на самых зловредных недругов России. Проскрипционный список уже составлен, и во многих банкирских дома Америки в самое ближайшее время появятся вакантные должности в их высшем руководстве.

Я, как мог, постарался развеселить Николая и Натали, рассказав им несколько забавных историй из жизни знаменитых разведчиков. Они посмеялись, но, похоже, кошки все же продолжали скрести у них в душе. Коля волновался, и я прекрасно понимал его – он не боялся за себя, а переживал за любимую женщину, осознавая всю опасность их заокеанского вояжа. А Натали просто боялась. Ведь одно дело – кратковременная поездка в ту же Швейцарию, где под надежным прикрытием она поработала приманкой для сладострастных «р-р-революционеров», которые привыкли больше болтать на митингах, чем резать глотки и валить из снайперки врагов. И совсем другое – поездка с неопределенным сроком пребывания на другой край света, в самое логово опасного и коварного врага.

А там, в Америке, все будет всерьез, без дураков. И надежда у нее будет только на Николая, который скорее умрет, но не отдаст ее головорезам из секретных служб американских банкиров. Потому что из их лап вырваться живым мало ли кому удавалось. Они придерживаются по жизни принципов: «мертвые не кусаются», и «Боливар не вынесет двоих».

Чтобы отвлечь этих двоих от нехороших мыслей, я достал из кармана флешку, включил стоящий на столе ноутбук, и дождавшись, когда он загрузится, вставил флешку в USB-порт.

– А сейчас, ребята, – начал я, – хочу показать вам тех, с кем вам придется там вести дело. Так сказать, весь заокеанский паноптикум... С кого начнем?

25(12) августа 1904 года. Полдень. Окрестности деревни Красная горка, Полевой лагерь сводной Тихоокеанской бригады морской пехоты.

Генерал-майор Вячеслав Николаевич Бережной

В большой штабной палатке яблоку негде было упасть. На улице шел теплый летний дождь, и господа, а также товарищи, офицеры (это зависело от того, из какой эпохи те происходили) заполнили просторное помещение из прорезиненного брезента. Если обычно здесь на своих служебных местах находилась только дюжина офицеров штаба бригады в чине от полковника до поручика (не считая, конечно, меня), то сейчас тут столпилось почти полторы сотни офицеров, две трети из которых были взводными и ротными командирами: мичманами, лейтенантами, прапорщиками, подпоручиками, поручиками и штабс-капитанами по адмиралтейству.

Часть из этих офицеров, как и я, происходили из будущего. Другие до войны с Японией служили на кораблях Тихоокеанской эскадры при существующих на них десантных ротах. По штатам этого времени было положено иметь по две роты на корабль 1-го ранга и одну роту на корабль 2-го ранга. Помнится, в фильме «Броненосец Потемкин» были матросы с винтовками, готовые стрелять по приказу командира в бузотеров – так это они, родимые. Вроде бы часть команды, а вроде и нет. Когда создавалась наша сводная бригада, то как раз эти уже существующие десантные роты, усиленные снятыми с кораблей пулеметами «Максим» и пушками Барановского, добавили к морским пехотинцам из XXI века. Именно таких офицеров-хроноаборигенов и было сейчас большинство в нашей бригаде.

Ведь все равно ни в какие десанты эти роты не ходили, а в боевой обстановке служили основой для формирования групп борьбы за живучесть. Дело, конечно, тоже нужное и важное, но восполнимое из других источников – например, за счет команд, снятых с устаревших кораблей, которые с началом войны отправили на консервацию, а также мобилизованных матросов с торгового флота. А десантные роты передали в морскую пехоту, и после серьезных тренировок эта сборная солянка превратилась в грозную боевую единицу,

которую, правда, в реальном бою получилось задействовать только один раз – при захвате Окинавы. Потом был тяжелейший, выматывающий силы и нервы переход через три океана, затем – прибытие на Балтику, торжественная встреча с участием государя-императора и размещение (хоть и поблизости от столицы, но в таком глухом углу Петербургской губернии, что до него еще не дотянулась железная дорога).

И теперь все эти офицеры устремили взгляды на мою персону, специально собравшую их здесь для важного разговора. Напряженное ожидание в тяжелом и сыром воздухе нависло как грозовая туча – того и гляди под брезентовыми сводами заблестят молнии. Основания собрать здесь сразу всех офицеров бригады были более чем весомые. Например, могло поступить сообщение: «Нас отправляют на войну» или что-то вроде того...

Скинув с головы капюшон плаща, я остановился на пороге, перед этим волнующимся людским морем. Начальник штаба бригады полковник Ян Игнатьевич Квятковский скомандовал: «Господа офицеры, смирно!» – и передо мной тут же, как по мановению волшебной палочки, образовался живой коридор.

Разговор я начал почти теми же самыми словами, что и городничий в известном всем романе Николая Васильевича Гоголя:

– Господа офицеры, я собрал вас здесь для того, чтобы сообщить вам чрезвычайно важное известие... Решением государя-императора наша сводная Тихоокеанская бригада с сего дня будет развернута в первый в России Корпус морской пехоты... Ура государю-императору, господа офицеры! Ура России!

Ответом на мои слова было такое могучее троекратное «ура», что, наверное, в радиусе километра, испуганно каркая, взлетели в небо мокрые вороны, сидевшие до того на деревьях.

Когда шквал верноподданнического восторга немного утих и господа офицеры снова стали внимательно слушать начальство и адекватно воспринимать информацию, я продолжил доводить до них текущие новости:

– Развертывание будет происходить в следующем порядке: существующие батальоны будут развернуты до бригад, роты – до батальонов, взвода – до рот. Все офицеры бригады, прошедшие аттестацию (а не прошедших аттестацию

у нас нет) получают повышение на одну ступень – как в чине, так и в должности. Рапорт о полной готовности корпуса к боевым действиям должен поступить государю до 1-го мая будущего 1905 года, а сам процесс формирования должен быть завершен до 31-го декабря сего года. Пополнение будем получать повзводно с кораблей Балтийского флота, Гвардейского флотского экипажа, Гвардейского и Гренадерского корпусов, начиная с пятнадцатого числа сего месяца. С целью скорейшего развертывания учебного процесса всем нынешним нижним чинам присваивается звание инструкторов-наставников, а унтер-офицерскому составу – квартирмейстерам, боцманматам, боцманам и кондукторам – старших инструкторов-наставников. Учить будем по схеме «делай как я». Минимум лекций – максимум действия. Основной упор будет делаться на отработку десантирования – как с больших десантных кораблей, так и с подручных средств: от мобилизованных торговых судов до шлюпок и плотов, – а также на бой в городских условиях и штурм укрепленной позиции. Местом постоянной дислокации при формировании корпуса избраны окрестности Ораниенбаума...

– Господин генерал-майор, – поинтересовался начальник оперативного отделения штаба, пока еще бригады, полковник Владимир Антонович Стрелицкий, – а как быть с высадочными средствами – их едва хватало для потребностей бригады, но будет совершенно недостаточно для корпуса?

– Видите ли, Владимир Антонович и вы, господа офицеры, – ответил я, – дело в том, что даже государь-император заранее не знает, где будет необходимо применить наш корпус. Возможно, это будет Север, возможно, Черноморский театр военных действий... Возможно, даже Балтика – хотя здесь для защиты нашего побережья очень хорошо поработали российские дипломаты, закрыв вход в это, по сути, внутреннее море, всем военным кораблям, кроме кораблей балтийских стран. Но нечто не вечно под луной, в том числе и дипломатические договоренности. Надеюсь на лучшее, мы должны готовиться к худшему. Поэтому основной упор будет на отработку десантирования с приспособленных для этого торговых кораблей и подручных средств. Кстати, проект большого десантного корабля вместе с соответствующей техдокументацией уже передан германским судостроителям, и они обещали выпекать таких красавцев как пирожки, по две штуки в месяц. Один им, один нам. Но на Черное, а тем более на Каспийское море их перебросить невозможно. Так что будем учиться высаживаться со всего, что плавает: с торговых пароходов и барж, с миноносцев и миноносок, с катеров и шлюпок, на любой пригодный для этого участок побережья, чтобы возможный враг даже не предполагал, где нас ждать. Вам это понятно, господа офицеры?

Дружный гул голосов подтвердил, что господам офицерам все понятно. Теперь оставалось только начать и кончить. Начать – это принять пополнение, в том числе и офицерское, которое даже близко не знакомо с тактикой морской пехоты. А кончить – это наилучшим образом использовать текущую военно-политическую конфигурацию для наиболее полной подготовки армии и промышленности России к грядущей мировой войне, которая неизбежна, в отличие от некоторых других ожидаемых конфликтов. Британия, Германия и Франция уже почувствовали, что им стало тесно на земном шаре, и готовятся сцепиться в ожесточенной схватке за передел мира. Нам же надо сделать так, чтобы Россия вступила в эту войну как можно позже и на правильной стороне, а самое главное, победила в ней с минимальными потерями.

28(15) августа 1904 года. Санкт-Петербург. Зимний дворец. Готическая библиотека.

Глава ГУГБ Тамбовцев Александр Васильевич

Император Михаил сегодня пригласил меня к себе, чтобы побеседовать на одну деликатную тему – как соорудить очередную гадость нашим «заклятым друзьям» с одного туманного острова. Похоже, Михаил Александрович никак не может простить джентльменам ни гибели своего старшего брата, ни покушения на свою жизнь. Несмотря на то, что с помощью адмирала Ларионова ему удалось установить более-менее доверительные отношения с британским монархом, найти общий язык с тамошним истеблишментом Михаилу едва ли удастся. Сэры, пэры и прочие лорды, скорее по привычке, чем по прямой необходимости, будут продолжать строить козни против России, а потому нужно создать им хлопот побольше, чтобы у них было как можно меньше времени и сил вредить нам. Пусть лучше они тушат пожар в своем доме вместо того, чтобы разжигать его в чужом.

Месяца два назад у нас в Питере гостил Христиан Девет – бывший главнокомандующий бурскими войсками. С ним для начала побеседовали Нина Викторовна Антонова и Мехмед Ибрагимович Османов. Потом и я приватно переговорил с этим замечательным человеком, который попортил немало крови британцам, а сейчас искал возможность продолжить это полезное занятие уже с нашей помощью. Работа по Южной Африке продолжается, и, как сообщил мне Мехмед Ибрагимович, достаточно успешно.

Были у нас и «индийские гости», которые проводили в Петербурге осторожный зондаж нашей позиции в отношении этой британской колонии. Приезжих с берегов Ганга встретили приветливо, но поскольку люди эти были неполномочны принимать какие-либо конкретные решения, все ограничилось общими рассуждениями и обещаниями при приезде в Россию тех, чье имя в Индии достаточно весомо, продолжить переговоры.

Но помимо этой «жемчужины в британской короне», у Англии была и своего рода «внутренняя колония», в которой джентльмены быстро забывали о том, что они джентльмены. Речь об Ирландии. Население «Зеленого острова» было завоевано много столетий назад, причем зверства, которые творили там англичане, иначе как геноцидом не назовешь. Только при Кромвелле уничтожению подверглась треть населения Ирландии. Ирландские католики были на своей земле людьми даже не второго, а, пожалуй, третьего сорта. От нужды и голода они десятками тысяч бежали в другие страны, в основном в Североамериканские Соединенные штаты, где уже образовалась немалая ирландская колония, задолго до сицилийцев сумевшая создать свою собственную этническую ОПГ.

Ирландцы не раз поднимали восстания, которые британцы подавляли с чудовищной жестокостью. Лондон же не желал предоставить им хотя бы эфемерное самоуправление. Невозможность отстаивать публично, в рамках закона, свои права заставляла ирландцев создавать разные тайные общества, цель которых была одна – добиться свободы для своей страны. Учитывая близость Ирландии к Британии (это не Южная Африка или Индия, что за тридевять земель от Туманного Альбиона), протестное движение ирландцев представляло для нас большой интерес. Тем более что имевшийся в нашем распоряжении опыт Ирландской Республиканской армии говорил о том, что ирландское сопротивление – довольно эффективный метод укрощения британского колониализма.

Император встретил меня радушно, пригласил присесть и немного обождать – он заканчивал писать какое-то важное послание. Потом, поговорив немного о том, о сем, мы перешли к тому, ради чего он меня и пригласил.

– Скажите, Александр Васильевич, – сказал он, – как в вашей истории Ирландия стала свободной? И когда это произошло?

Я задумался. Если начать пересказывать все перипетии борьбы ирландцев за свободу, то сие занятие займет немало времени. Потому, сообщив в общих

чертах о том, что произошло в 1916 году («Пасхальное восстание»), 1921 год (Ирландия, потеряв шесть северных графств, стала доминионом Британии) и 1949 год, когда страна обрела полную независимость, я снова вернулся к нынешним временам и постарался дать по возможности полный расклад политических сил в Ирландии.

– После провала в Лондоне «билля о Гомруле», – сказал я, – закона о создании в Ирландии местного самоуправления – хотя и убудочного, но все же парламента – борцы за свободу Ирландии сменили тактику. Они создали так называемую «Гэльскую лигу», которая официально занималась возрождением кельтско-ирландской культуры. Были созданы школа по изучению гэльского языка, народных танцев, изучалась история Ирландии – словом, делалось все, чтобы народ сохранил свою самобытность и не был ассимилирован англичанами. В этой лиге подрастали будущие лидеры, которые создадут первую ирландскую политическую партию «Шин Фейн» и впоследствии примут участие в «Пасхальном восстании».

– Понятно, – задумчиво произнес Михаил. – Значит ли это, что надо будет как-то наладить связь с этими будущими лидерами? Естественно, не афишируя, что наши эмиссары представляют официальные структуры Российской империи.

– Нет, этого делать пока не стоит. – Я улыбнулся. – Есть один интересный вариант, который чем-то напоминает методы подрывной работы наших британских оппонентов.

– Интересно, интересно... – Михаил подался вперед, с любопытством посмотрев на меня. – Расскажите мне, что вы там придумали в своих застенках?

– Одним из лидеров национального движения Ирландии считается некий Джеймс Конноли, – сказал я. – Он родился в 1868 году в Эдинбурге. В настоящее время он находится в эмиграции в САСШ, где ведет социалистическую пропаганду среди американских рабочих. В будущем году он станет одним из создателей революционно-синдикалистского профсоюза «Индустриальные рабочие мира». Он марксист и по своим взглядам достаточно близок нашим друзьям – Владимиру Ильичу и Иосифу Виссарионовичу.

– Ага, я, кажется, понял вашу мысль, Александр Васильевич, – Михаил хитро улыбнулся. – Вы хотите бить врага его же оружием?

– Именно так, ваше величество, именно так, – кивнул я. – Надо будет переговорить с Владимиром Ильичом – у него остались неплохие связи с зарубежными марксистами, – и направить человека, заслуживающего доверия, в САСШ. Пусть он там найдет Джеймса Конноли и предложит тому вернуться в Ирландию, чтобы продолжить там борьбу за освобождение своей страны.

– А хватит ли, у этого самого Конноли храбрости и решительности для того, чтобы в случае чего подняться с оружием в руках против британского владычества? – поинтересовался император. – Ведь, как я понял, марксисты больше любят тихую парламентскую говорильню...

– У Джеймса Конноли храбрости и решительности достаточно, – ответил я. – В нашей истории в 1910 году он вернется в Ирландию и создаст там ирландскую Лейбористскую партию. Для вооруженной борьбы с англичанами он организует Ирландскую гражданскую армию – полувоеннизированную организацию, призванную защитить рабочих в случае физических столкновений с полицией, охраной, нанятой владельцами предприятий, или армией. В апреле 1916 года, во время Пасхальной недели, он и еще несколько ирландских организаций, выступавших против англичан, поднимут в Дублине вооруженное восстание. Они провозгласят независимую Ирландскую республику, но сумеют продержаться всего лишь неделю. Против восставших британцы бросили шестнадцатитысячный корпус, поддерживаемый артиллерией и броневиками. В реку Лиффи, впадающую в Дублинский залив, вошла канонерская лодка «Хельга», которая огнем своих орудий громила католические кварталы города. Восстание утопили в крови. Тяжело раненый Джеймс Конноли был захвачен в плен англичанами и приговорен к смертной казни. На место экзекуции его принесли на носилках. Он не мог стоять на ногах, и перед тем, как его расстрелять, англичане усадили его на стул.

– Да... – после недолгого молчания произнес Михаил, – действительно, этот Джеймс Конноли – достойный человек. Александр Васильевич, я попрошу вас переговорить с Владимиром Ильичом, чтобы он решил, кого из его доверенных людей можно будет направить в Америку, чтобы встретиться с Конноли и пообещать ему, что мы найдем способы, оставаясь в тени, оказать ирландским патриотам поддержку деньгами, оружием и опытными инструкторами. Думаю, что в случае освобождения Ирландии от владычества британцев этот незаурядный человек вполне мог бы возглавить правительство этой страны.

30 (17) августа 1904 года. Утро. Санкт-Петербург. Варшавский вокзал.

Инженер и изобретатель, энтузиаст воздухоплавания граф Фердинанд фон Цеппелин.

Инженера, изобретателя, непризнанного гения и фанатика воздухоплавания 66-летнего графа Фердинанда фон Цеппелина и его 25-летнюю дочь Хелену Петербург встретил легким летним дождем. В кармане у графа были присланные по почте приглашение знаменитого адмирала Ларионова и чек на 500 рублей на дорожные расходы.

Ни графу Цеппелину, ни кайзеру совсем ни к чему было знать, что на самом деле в роли приглашающей стороны выступал сам император Михаил II, который не собирался ждать, пока Цеппелин достигнет успеха в 1909 году. С одной стороны, много чести, а с другой, кайзеру Вильгельму лучше оставаться в неведении по поводу того, что его довольно нагло обкрадывают. Кто первый встал, того и тапки.

Выглядел этот визит как сугубо частный. Дело в том, что еще в 1869 году Фердинанд фон Цеппелин женился на подданной Российской империи ливонской баронессе Изабелле фон Вольф, которая родила ему в 1879 году единственную дочь Хелену. И теперь девушка в сопровождении отца решила навестить российских родственников своей матушки, которая сама осталась дома в Фридрихсхафене по причине преклонного возраста и плохого здоровья. Родственники же эти большей частью проживали не в глухих ливонских мызах и хуторах, где находились их поместья, а в блистательном Санкт-Петербурге. Более того, многие из них блистали при императорском дворе и служили на достаточно высоких государственных постах.

Особого внимания в Германии эта поездка не привлекла. Так уж получилось, что Цеппелин и его семья оказались фактически разорены после постройки в 1900 году своего первого аппарата LZ-1, выполненного в форме двадцатичетырехгранной сигары с оконечностями оживальной формы, общей длиной сто двадцать восемь метров и диаметром чуть меньше двенадцати метров.

С одной стороны, был достигнут явный успех, потому что летательный аппарат легче воздуха смог подняться в небо и совершить полет общей

продолжительностью восемнадцать минут, достигнув скорости в 21 километр в час, что подтвердило принципиальную правильность конструкции жесткого дирижабля.

С другой стороны, Цеппелина постигла полная неудача, так как мощность двигателей была недостаточной – всего восемнадцать лошадиных сил, что не позволяло бороться даже с самым легким ветром, а сами двигатели были весьма ненадежны. В силу отсутствия вертикального и горизонтального оперения аппарат был плохо управляем (если не сказать больше), а конструкция была крайне перетяжелена, что фактически сводило к нулю ту полезную нагрузку, которую он мог нести.

Таким образом, деньги, которые удалось наскрести на постройку аппарата, закончились, но никакой практической пользы из него извлечь не удалось. Даже Союз Немецких Инженеров, в котором Фердинанд фон Цеппелин состоял с 1896 года, отказался финансировать его работы в этом направлении – сказала его репутация технического авантюриста и прожектера. Ведь все его предыдущие проекты напоминали скорее бред буйнопомешанного. Например, проект поезда, составленного из аэростатов, на который Цеппелин получил патент в 1895 году.

Таким образом, основанная Цеппелином компания «Акционерное общество содействия воздухоплаванию» (нем. Aktiengesellschaft zur Förderung der Luftschiffahrt), с уставным капиталом 800 тысяч рейхсмарок, потерпела крах и была ликвидирована. Сам же Цеппелин, будучи уверенным в правильности своей идеи, усиленно искал источник финансирования для продолжения своих работ, но не находил его. До спасительной встречи с королем Вюртемберга Вильгельмом II (не тем Вильгельмом II, который кайзер Германии, а местным, который правит в Штутгарте) оставалось еще два года. Но в Петербурге не собирались ждать, пока в Германии проснутся, отведают сарделек и вытрут с усов пивную пену. Был ваш Цеппелин, а теперь станет нашим. И поделом – нечего гениального изобретателя держать без денег, обрекая его самого на нищету, а дочь-бесприданницу на обет безбрачия.

В нашей истории Хелена фон Цеппелин вышла замуж только в 1909 году, в возрасте тридцати лет (перестарок по тем временам), когда у ее папы дела пошли резко в гору, и цеппелины на его новой фирме Luftschiffbau-Zeppelin, GmbH стали строиться серийно, а на изобретателя обратил внимание кайзер всея Германии Вильгельм II. Но тут этому не бывать.

На Варшавский вокзал Санкт-Петербурга Фердинанд фон Цеппелин с дочерью прибыли на фешенебельном поезде «Норд-экспресс», связывавшем столицы главнейших держав континента: Лондон (через паромную переправу Дувр-Остенде), Париж, Берлин и Петербург. Время в пути от Парижа до Петербурга – 58 часов, цена билета в зависимости от класса вагона – от 36 до 62 рублей. Поскольку из-за различной ширины колеи прямое железнодорожное сообщение между Европой и Российской империей было невозможно, на пограничной станции Вержболово (устроенной так, что с одной стороны платформы была европейская колея, а с другой стороны российская) организовали быструю пересадку пассажиров в точно такие же поезда. Русские, согласно купленным билетам, пересаживались в европейские поезда, а европейцы в русские, и следовали дальше.

Графу Цеппелину вместе с чеком на покрытие дорожных расходов переслали три билета в вагон первого класса на поезд «Норд-экспресс». Но, как уже говорилось, Изабелла фон Цеппелин (урожденная фон Вольф) отказалась ехать и осталась дома в Фридрихсхафене на берегу Боденского озера. А граф Цеппелин вместе с дочерью отправились в далекую Россию, о которой в последнее время левая и либеральная (что одно и то же) пресса Европы писала всякие ужасы.

Но ни отец, ни дочь не заметили в пути ни белых, ни бурых медведей, выходящих на железнодорожные станции поклянчить еды у пассажиров, ни ужасных агентов госбезопасности, хватающих прямо на улицах честных обывателей, чтобы пытками выбить у них признание в преступлениях против императора. Русские попутчики Цеппелина не были похожи на запуганных жертв террора. Напротив, они были раскованы, веселы и много шутили.

Особенно заметно это было в той людской круговерти, царившей под сводами Варшавского вокзала. Столица Российской империи жила бурной жизнью, и на вокзале поток отбывающих в дальние края смешивался с таким же бурным потоком приезжих. При этом два чемодана, пара шляпных коробок и баул семьи Цеппелинов, погруженные на тележку дюжего носильщика с бляхой, выглядели сиротливо по сравнению с тем багажным обилием, с которым отбывали в Европы некоторые семьи.

И вот к Цеппелинам, несколько потерявшимся во всей этой суете и великолепии, подошел средних лет морской офицер с роскошной бородой.

– Добрый день, господин граф, – по-немецки обратился он к Цеппелину, – позвольте представиться: капитан 1-го ранга Николай фон Эссен. Адмирал Ларионов поручил мне встретить вас с дочерью и сопроводить в гостиницу «Европа». Это на Невском проспекте, главной улице Санкт-Петербурга. Прошу вас, герр Фердинанд и фройлян Хелен, экипаж ждет.

Цеппелин, который сам имел чин генерал-лейтенанта германской армии, внимательно посмотрел на своего визави. Поскольку в Россию его приглашал приближенный к новому царю адмирал Ларионов, то следовало ожидать, что встречать его с дочерью будет морской офицер. Смущали только чин и возраст собеседника, о героизме которого совсем недавно писали германские газеты.

– Извините, герр капитан цур зее, – сказал граф Цеппелин, – мне хотелось бы узнать, почему меня встречаете вы, прославленный герой сражения при Формозе, как мне кажется, без пяти минут адмирал, а не кто-нибудь из более подходящих случаю младших офицеров?

– Граф, – ответил фон Эссен, – дело в том, что меня об этом попросил лично адмирал Ларионов. Попросил, а не приказал, что со стороны столь уважаемого мною человека это стоит очень дорогого. Он объяснил мне, сколь много вы сделали для развития мирового воздухоплавания и как ничтожны те тупицы, которые не понимают ваших великих идей. Он сказал, что настанет момент, когда вы прославите свое имя на весь мир, а ваши оппоненты и хулители, пренебрежительно отзывающиеся о вас, будут в бессильной злобе биться головой о стену. Но будет уже поздно. Таким образом, я и сам выразил желание познакомиться поближе со столь интересным человеком и его очаровательной дочерью...

При этом было заметно, что, сделав девушке комплимент, Николай Оттович остался довольно прохладен к ее женским чарам, что неудивительно для женатого и счастливого в браке мужчины. Как говорится – ничего личного, только вежливость.

– Хорошо, герр капитан цур зее, давайте отправимся в гостиницу, – согласился Цеппелин, – Только я хотел бы знать, как скоро господин Ларионов сможет меня принять.

Фон Эссен окинул взглядом запыленные и слегка помятые дорожные костюмы фон Цеппелина и его дочери и кивнул. Как-никак путешествие на перекладных от Фридрихсхафена до Петербурга продолжалось двое с половиной суток, гости изрядно устали и нуждались в замене гардероба.

– Встреча состоится сразу же, как только вы немного отдохнете с дороги и приведете себя в порядок, – произнес он. – Адмирал Ларионов примет вас в любое удобное для вас время...

– Любое удобное для меня время может наступить хоть через полчаса! – воскликнул Цеппелин. – Давайте поедem скорее. Я оставляю дочь в гостинице, быстро переоденусь, и буду готов ко встрече с адмиралом. Мне не терпится узнать причину, по которой этот великий человек захотел со мной встретиться.

30 (17) августа 1904 года. Около полудня. Санкт-Петербург. Аничков дворец.

Присутствуют:

Император Всероссийский Михаил II

Командующий особой эскадрой вице-адмирал Виктор Сергеевич Ларионов

Глава ГУГБ тайный советник Александр Васильевич Тамбовцев

Когда фон Эссен вместе с графом Цеппелином вошли в кабинет, германский гость остолбенел от удивления. Он ожидал встретить прославленного русского адмирала, но совершенно не был готов ко встрече с российским императором.

– Добрый день, ваше императорское величество, – произнес он, почтительно поклонившись царю.

Затем он подошел к адмиралу Ларионову, чей портрет был хорошо знаком всей Европе, и почтительно поздоровался с ним и с еще одним мужчиной пожилого возраста, с седеющей бородой, который, как он понял, и был тем самым ужасным русским обер-инквизитором господином Тамбовцевым.

– Я рад приветствовать вас, господин граф, в своей столице, – ответил русский император, – Я благодарен вам, что вы нашли время и откликнулись на приглашение господина адмирала. Но, если сказать честно, это по моей просьбе адмирал Ларионов пригласил вас в Россию, потому что я хочу дать вам то, в чем вы нуждались все эти годы. Вам будет обеспечено неограниченное финансирование ваших работ. Вам предоставят всю необходимую техническую информацию, которая поможет вам без проволочек начать работу над опытным экземпляром дирижабля. Уже весной будущего года мне понадобятся четыре аппарата с дальностью полета в несколько тысяч километров, способные поднимать в воздух от двадцати до пятидесяти тонн полезной нагрузки. В случае успеха вас будет ждать множество заказов как военного, так и гражданского назначения, что сделает вас, граф, весьма состоятельным человеком. Впрочем, вы вправе отказаться – как говорят у нас в России: на нет и суда нет.

– Ваше величество, я согласен, – поспешно произнес граф Цеппелин, – только мне хотелось бы знать, что хотите получить лично вы?

– Мне нужны дирижабли, – кивнул император Михаил, – четыре сверхдальних тяжелых дирижабля, о которых я вам говорил. Сведения о том, зачем они мне понадобились, являются государственной тайной. Я хочу иметь в вашем предприятии двадцать пять процентов плюс одна акция для себя, и двадцать пять процентов для акционерного общества, возглавляемого адмиралом Ларионовым. Ничего личного, как говорят за океаном, только дело. Думаю, неограниченное финансирование и сведения технического характера, способные сэкономить годы разработки, того стоят.

– Думаю, мы с вами сработаемся, ваше императорское величество, – кивнул Цеппелин; чувствовалось, что он более чем удовлетворен. – Насколько я понимаю, все практические вопросы, касающиеся моей работы, мне придется решать с адмиралом Ларионовым?

– Да, – ответил император, – вы все правильно поняли. С ним, и еще с господином Тамбовцевым, который должен будет сделать так, чтобы в вашей работе не возникло непредвиденных рукотворных помех. Приступайте к этому немедленно, не буду вас больше задерживать. Очень рад был с вами познакомиться. Всего вам доброго.

31(18) августа 1904 года. Санкт-Петербург. Аничков дворец.

Адмирал Ларионов совершенно не случайно предложил в качестве места для сегодняшнего разговора именно Аничков дворец. Он помнил, как впервые пришел сюда двенадцатилетним пацаном, чтобы записаться в судомодельный кружок Дворца пионеров, в советское время находившийся в этом самом дворце.

Темой разговора, на котором должны были присутствовать Ленин, Коба и хозяин этого дворца, император Михаил II, стал вопрос о системе образования в Российской империи вообще и о всеобщем среднем образовании в частности. Проблема, что называется, созрела, и даже перезрела, так что ее надо было срочно решать. Но император, занимаясь глобальными внутренними и внешними делами, все никак не мог выбрать момент, чтобы непосредственно заняться вопросом реформы российского образования, считая, что можно с этим погодить, и ничего страшного не произойдет, если решение будет отложено на какое-то время. Адмирал Ларионов рассчитывал, что, послушав людей, с мнением которых император Михаил считался, тот изменит свое мнение об этом важнейшем вопросе для империи, задыхающейся от дефицита грамотных кадров.

Когда приглашенные расселись вокруг стола в рабочем кабинете покойного императора Александра III (который очень любил Аничков дворец и недолюбливал Зимний), Михаил демонстративно посмотрел на циферблат роскошных золоченых каминных часов, намекая тем самым, что из вежливости готов выслушать своих гостей, но ненавязчиво напоминает, что у него весь день расписан по минутам, и потому разговор не должен затянуться.

Ларионов усмехнулся про себя: император явно заблуждался, потому что разговор сегодня будет долгим, и принятые по его итогам решения будут не менее судьбоносными, чем те, что были приняты по аграрному и политическому вопросам.

– Владимир Ильич, – император первым нарушил несколько затянувшееся молчание, – как я понял, основным докладчиком по сегодняшнему вопросу будете вы. Я вас внимательно слушаю...

– Ваше величество, – Ленин немного волновался, и потому картавил чуть сильнее, чем обычно, – если верить переписи населения, которая прошла

в 1897 году, в России грамотным назвал себя каждый пятый, причем грамотных мужчин было в два с лишним раза больше, чем женщин. Мы оказались одной из самых неграмотных стран Европы – позади нас была только Италия.

– Вот как? – Михаил был весьма удивлен такими цифрами. – А вы, Владимир Ильич, не ошибаетесь?

– Нет, ваше величество, – ответил Ленин, передавая императору листок с данными переписи населения. – Вот, можете сами убедиться.

– Гм... – Михаил пробежал глазами столбцы цифр, – действительно, все обстоит именно так, как вы сказали. Но ведь это данные семилетней давности. Может быть, за это время произошли изменения к лучшему?

– Да, действительно, за семь лет произошли некоторые положительные изменения, – ответил Ленин. – По расчетам статистиков, количество грамотных людей возрастало в среднем на 1,8 % в год. Но согласитесь, ваше величество, это крайне мало. Нет, я не хочу сказать, что при вашем брате ничего не делалось для того, чтобы изменить создавшееся совершенно недопустимое положение. Начался постепенный переход от трехлетнего к четырехлетнему начальному образованию, причем новые школы сразу строились как четырехлетние. На четырехлетку переходили и все прежние виды школ, в том числе и трехлетние земские. Этот процесс в целом по России в значительной степени завершился уже к 1903 году, и окончательно планировалось его закончить к 1910–1912 годам. После 1906 года на четырехлетку должны были перейти и церковно-приходские школы, доля которых в общем быстро растущем числе школ постепенно уменьшалась.

– Ну вот, видите, – император даже повеселел, – значит, все не так плохо, как вы только что говорили. Я намерен продолжить дело своего покойного брата, и сделать все, чтобы в России все население умело читать и писать.

– Так-то оно так, ваше величество, – продолжил Ленин, доставая из лежавшей перед ним папки новый листок с цифрами, – но, по тем же данным статистики, процесс ликвидации неграмотности в России явно затянулся. Я воспользуюсь цифрами, полученными от наших друзей из будущего. Так вот, среди призывников 1900 года неграмотных было 51 %, в 1905 году их было уже 42 %, а в 1913 году – 27 %. Динамика положительная, но все равно это никуда

не годится. Неграмотный солдат не сможет справиться со сложной военной техникой, и вы это сами прекрасно понимаете...

- Да, почти половина неграмотных солдат - это, действительно, никуда не годится... - покачал головой император.

- При этом, - вставил адмирал Ларионов, - во время мобилизации в Германской империи, количество полностью неграмотных призывников не превышало 0,6 % от общей массы мобилизованных. Как известно, всеобщим образованием в Германии озаботились еще при Бисмарке - и вот вам наглядный результат.

- Ваше величество, - вступил в разговор Коба, - не менее позорно то, что неграмотна и значительная часть рабочих. Мы собираемся провести индустриализацию России. Без грамотных рабочих, которые могут не только читать по слогам, но и разбираться в чертежах, нам нечего и думать об индустриализации. К тому же неграмотный рабочий - это готовый горючий материал для разных смут. Он не разбирается во всем происходящем в мире и вокруг себя, а потому легко поддается на агитацию разного рода авантюристов, вроде Парвуса и Троцкого. Неграмотный рабочий - жертва нечестного фабриканта. Он не умеет считать - его обманывают при расчете, он не умеет читать - его обманывают при заключении трудового договора, подсовывая бумаги с невыгодными условиями, а он даже не может прочесть их. Он не умеет писать, и потому не может написать заявление о нарушении трудового законодательства в инспекцию, чтобы там наказали недобросовестного работодателя. То есть неграмотный рабочий - человек неполноценный во всех отношениях.

- Да, - озадаченно сказал император, - я как-то не вникал во все эти сложности. Действительно, проблему с неграмотностью следует решать как можно быстрее...

- Архисрочно! - перебил самодержца Ленин. - На это нельзя жалеть ни сил, ни средств. Пока население неграмотно, все рассуждения об индустриализации России так и останутся пустыми рассуждениями. Сначала - ликвидация безграмотности с массовым профессиональным образованием, а уж потом - индустриализация. Уже существующие заводы просто задыхаются от недостатка грамотных кадров. Что толку, если будут построены заводы и фабрики, на которых просто некому будет работать?

Михаил покачал головой, но ничего не ответил Ленину. Похоже, он понял правоту его слов, и возразить было нечем.

– Господа, – произнес император, – большое вам спасибо за сегодняшнюю беседу. Я получил много интересной информации, над которой мне необходимо как следует подумать. Но, как говорят ваши люди, Виктор Сергеевич, инициатива наказуема. Нет, к вам, господин адмирал, эти слова не относятся. Вы, Владимир Ильич, подняли этот вопрос, вам им и заниматься. Вместе с Иосифом Виссарионовичем. Я попрошу вас подобрать человека, который смог бы взвалить на свои рамена эту тяжелую ношу. Меня не интересуют его политические взгляды – для меня важно, чтобы он любил Россию и был готов трудиться не покладая рук, чтобы в нашей стране не осталось ни одного человека, не умеющего читать и писать. В конечном итоге мы должны добиться того, чтобы со временем в России все могли бесплатно получать полное начальное образование. А тот, кто хотел бы продолжить учиться, и имел бы к тому способности, мог бы поступить в учебное заведения, где можно было бы, опять же бесплатно, получить среднее и высшее образование. Наша страна богата талантами. Надо дать возможность этим талантам проявить себя.

Император еще раз посмотрел на каминные часы и улыбнулся: время, которое он потратил на эту беседу, не было потеряно напрасно. А в уме он поставил еще одну галочку срочных и архиважных дел, которыми ему предстояло заняться. И сколько их еще осталось в этом списке... Как же найти время для всего этого?

2 сентября (20 августа) 1904 года. Санкт-Петербург. Варшавский вокзал.

И снова утро, снова Варшавский вокзал... И поезд «Норд-экспресс» дважды в неделю прибывающий в Санкт-Петербург из Берлина, Парижа и Лондона. Только на этот раз в столицу Российской империи прибыл не германский граф, пионер воздухоплавания и прочая, прочая, прочая, а подвизавшийся в Европах талантливый русский инженер и изобретатель Борис Григорьевич Луцкой, не понятый и не принятый у себя на родине, как обычно бывало в последнее время.

Конечно, многие его проекты были слишком футуристичны и оптимистичны – как, например, предложенный им Российскому военному ведомству в 1900 году четырехколесный «военный самокат» весом 400 килограмм, предназначенный

для передвижения скорострельного орудия, 500 патронов и трех человек со скоростью 45–55 верст в час. Гладко было на бумаге, да забыли про овраги.

Тем не менее такой «самокат» нужно было строить – чтобы испытать идею, отработать конструкцию, выйти на какие-то приемлемые параметры, и к началу Первой мировой получить приемлемое самоходное орудие или броневик (смотря по какому пути пошла бы эволюция этой многообещающей технической идеи, будь она реализована при наличии денег и производственных мощностей).

Но вместо того все проекты Луцкого в России были загублены, он остался в Германии, где своим трудом укрепил обороноспособность Второго Рейха, ибо, будучи техническим директором фирмы «Даймлер», занимался, среди прочего, и заказами в интересах германских военных. Мало того, с началом Мировой войны немецкое правительство посадило его, как подданного Российской империи, в тюрьму Шпандау, где он и просидел до окончания мировой бойни. Умер Борис Григорьевич в совершенной неизвестности где-то в Германии, примерно между 1920 и 1926 годом.

Но в этом варианте истории о талантливом русском инженерере не забыли. Автомобилизация всей страны была в числе приоритетных планов императора Михаила и его соратников из будущего. К тому же Фердинанд фон Цеппелин ничего не стоил без Бориса Луцкого, точнее, без его моторов. Ведь дирижабль без надежных, мощных и легких двигателей превращается в обычный воздушный шар,двигающийся по небу по воле ветра.

Кстати, если на флоте и железных дорогах новые двигатели Тринклера должны были быть вне конкуренции, то пятый океан предполагалось покорять исключительно бензиновыми моторами, ибо сколько ни мучились при советской власти конструкторы, пытаясь разместить дизель на самолете, из этой затеи так ничего и не вышло.

Приглашение о сотрудничестве было послано от имени... Густава Тринклера, с которым Луцкой был шапочно знаком, и встречали его по схеме, уже отработанной на герре Цеппелине. Но только козырной картой в этом случае оказался не прославленный каперанг фон Эссен, как в случае с пионером воздухоплавания, а транспорт, на котором инженера доставили в гостиницу, чтобы тот привел себя в порядок с дороги. Автомобиль «Тигр» произвел на Луцкого такое же глубокое впечатление, как, например, на Циолковского старт космического корабля «Союз». Вершина совершенства и предел комфорта.

Правда, на данном конкретном автомобиле стоял 150-сильный турбодизель, но Луцкому этого пока говорить не собирались. Карбюраторные двигатели, при всей своей повышенной пожароопасности и требовательности к антидетонационным свойствам топлива, все же обладали меньшим весом при той же мощности, большей надежностью, а для их создания потребуется меньше дефицитного на данный момент алюминия.

За время поездки от вокзала до гостиницы инженер Луцкой полностью созрел для серьезного разговора, и, оставив чемоданы в номере, был уже готов приступить к беседе. Но ему сказали, что Густав Васильевич сейчас занят, а пока следует привести себя в порядок, пообедать в гостиничном ресторане. За ним заедут и отвезут в место, где состоится беседа. Луцкому намекнули, что, помимо Тринклера, с ним желали бы побеседовать и иные заинтересованные лица.

Так все и вышло. Едва Борис Григорьевич вышел из зала ресторана, как к нему подошел тот же молодой человек, что встретил его на вокзале, и предложил пройти к машине. Из гостиницы Луцкого отвезли в Новую Голландию (не питерский он был человек, и по своей наивности даже не догадывался, куда приехал), где в одном из кабинетов особого технического бюро, работающего под крышей ГУГБ, его уже ждали заинтересованные лица. Нет, императора Михаила на этот раз не было – все же прибыл не германский граф, а отечественный инженер. Но тем не менее состав собравшихся все же нельзя было считать менее представительным.

Там присутствовал Густав Васильевич Тринклер – в чем-то его конкурент, в чем-то соратник, который в процессе работы должен был поделиться частью своих наработок. Там присутствовал «добрый дедушка» Александр Васильевич Тамбовцев, от одного имени которого очень многих начинало трясти. Его заботой должна была стать борьба с промышленным шпионажем и саботажем. Присутствовали там и представители заказчика – генерал-майор Бережной (в данном случае в качестве личного представителя императора, и подполковник Маниковский (от ГАУ). Это на тот случай, если Луцкой действительно предложит проект транспорта, пригодного для перевозки артиллерии. Там же находился Александр Михайлович Романов (он же ВКАМ, он же Сандро) – единственный человек среди Романовых, имеющий коммерческую жилку и беззастенчиво пользующийся своим положением. Он должен был обеспечить развертывание массового производства навороченных гражданских авто, чтобы за счет прибыли от их реализации обеспечить финансирование дальнейших научно-исследовательских и опытно-

конструкторских работ. Направление, в котором работал Тринклер, для этого не годилось. Сверхмощные судовые дизели – товар штучный и слишком завязанный на обороноспособность Российской империи, а потому секретный. Автомобили – как статусные для высших классов, так и массовые для простых обывателей – куда лучше подходили для того, чтобы совмещать процесс автомобилизации с получением сверхприбылей. И именно великий князь начал разговор, взяв сразу быка за рога.

– Рад вас видеть, господин Луцкой, – приветствовал он изобретателя. – Я понял, что вы приняли наше предложение. Чтобы вам сразу было понятно, скажу, что речь пойдет о финансируемой казной организации крупной автотракторостроительной компании, в которой вы будете и главным конструктором, и техническим директором, ну а я – коммерческим директором. Присутствующие здесь господа военные являются отчасти представителями заказчика, а отчасти техническими консультантами. Господин Тринклер, как ваш коллега, поделится некоторыми наработками, а господин Тамбовцев, про которого вы наверняка уже слышали, сделает так, что в ваши дела в пределах Российской империи никто не посмеет влезать. Если мы договоримся, то вы об этом ни не пожалеете, ибо за вашу идею и ваш конструкторский талант вам будет причитаться двадцать процентов паев этого предприятия. Даже я, как коммерческий директор, буду иметь всего десять процентов паев. Еще двадцать процентов будут принадлежать эскадре адмирала Ларионова, а остальные пятьдесят плюс один пай – находиться в собственности государя, финансирующего всю эту затею и имеющего в ней контрольный пакет.

– Извините, господа, – ошеломленно произнес Луцкой, – я, видимо, не совсем вас понял – о чем, собственно идет речь? О моих разработках в области строительства новых автомобилей и моторов для них, или же об организации компании по их выпуску?

– В общем-то, о том и о другом, – улыбнулся Тамбовцев, – и в первую очередь о разработке несколько типов автомобилей в основных классах. Это легковая автомашинка для быстрых поездок по хорошим дорогам. Потом – такая же легковая автомашинка, но способная с гораздо меньшей скоростью перевозить людей по нашему российскому бездорожью и при этом не ломаться. Далее – грузовики с грузоподъемностью пятьдесят и сто пудов, способные перевозить этот груз даже во время распутицы. Грузовики и легковые автомашины для бездорожья будут производиться не только для гражданских потребителей, но и для нашей армии. Поймите: эти машины и их моторы будут нужны нам не в

единственном экземпляре, и даже не десятками и сотнями. Их нужно строить десятками и сотнями тысяч штук, что подразумевает под собой мощную и разветвленную промышленную базу. Теперь вам все понятно?

- Теперь понятно, господин Тамбовцев, - Луцкой кивнул и вытер пот со лба. - Но я полагаю, что все же лучше оформить все сказанное здесь на бумаге. Как вы полагаете, будет ли к завтрашнему дню готов черновик контракта, в котором распишут права и обязанности всех участвующих в этом деле сторон?

4 сентября (22 августа) 1904 года. Петербург. Новая Голландия.

Глава ГУГБ Тамбовцев Александр Васильевич

Сегодня мне предстоит встретиться со своим старым знакомым - бывшим главнокомандующим войсками бывшего Оранжевого Свободного государства генералом Христианом Де Ветом. Он уже посещал Северную Пальмиру несколько месяцев назад, чтобы прозондировать почву на предмет того, не поможет ли Россия бурам, проигравшим войну с британцами, если те снова поднимутся против своих поработителей.

Тогда, после беседы сначала с майором Османовым и полковником Антоновой, а потом и со мной, Де Вету была обещана поддержка в случае вооруженного восстания буров. Правда, переговоры были неофициальные, никакие документы при этом не подписывались, и из чего будет состоять эта помощь, не конкретизировалось.

Окрыленный Де Вет уехал в Европу, чтобы встретиться с людьми, которые могли бы поддержать буров материально, а я через нашу агентуру в Европе постарался разузнать о результатах его вояжа. Оказалось, что, в отличие от Петербурга, Де Вета в европейских столицах ждал довольно холодный прием. Даже на своей прародине Голландии, хотя он и встретили его бурными овациями, ничего конкретного не обещали. Прижимистые голландцы даже денег в помощь бурским фермерам, разоренным войной, собрали меньше, чем собрали русские в ходе визита Де Вета в Россию.

Расстроенный бурский генерал отправился в Африку, где встретился со своими бывшими соратниками. Но и среди них он не нашел единомышленника. Конечно,

немало бывших «полевых командиров» бурского ополчения рвались в бой, чтобы отомстить британцам за замученных в концентрационных лагерях близких, за сожженные фермы и убитых товарищей.

Но были среди них и такие, кто готов был сотрудничать с оккупантами и участвовать в органах самоуправления, которые британцы пообещали создать на захваченных ими территориях буров в самое ближайшее время (и они в нашей истории были действительно созданы в 1906–1907 годах). Кроме того, действуя методом кнута и пряника, англичане согласились выплатить три миллиона фунтов стерлингов бурам, чьи фермы пострадали в ходе боевых действий.

После долгих переговоров в Претории Де Вет снова собрался в Европу, прихватив на этот раз с собой легендарного бурского генерала Кооса Де ла Рея. Прибыв пароходом в Одессу, Де Вет со своим спутником инкогнито (конечно, не для нашей конторы, а для досужих журналистов) поездом отправился в Петербург. И вот сейчас он просит его принять для важного разговора.

Ну что ж – просит, так примем. Только разговор у нас с ним будет, похоже, непростой. Россия, хотя и согласна оказать определенную помощь бурам, в вооруженный конфликт с Британией из-за них вступать не намерена. И все это придется довести до них именно мне.

Христиана Де Вета я уже видел. А вот с Де ла Реем, о котором в Трансваале ходили легенды, ранее я не был знаком. Это был крепкий коренастый мужчина лет пятидесяти, с длинной густой бородой с проседью. Глубоко посаженные острые глаза охотника и воина смотрели на меня неожиданно молодо. Высокий лоб говорил о его большом уме. Коос Де ла Рей с любопытством осмотрел мой кабинет, и после приглашения расположился на мягком кожаном диване.

– Господин Тамбовцев, я рад снова видеть вас, – обратился ко мне по-английски Де Вет. – Я обещал, что вскоре увижусь с вами, и свое обещание сдержал. Надеюсь, за это время позиция России в отношении нашего несчастного народа не изменилась?

– Я тоже рад вас видеть, господин Де Вет. А с господином Де ла Реем я давно хотел познакомиться поближе. Прошу вас, почувствуйте здесь себя как дома. Я сейчас прикажу подать нам кофе или чай... А может быть, вы не откажетесь

от рюмочки коньяка?

Де ла Рей нахмурился и отрицательно покачал головой. Как я слышал, он был человеком весьма набожным, и редко выпускал из рук карманную Библию. Вот и сейчас он машинально сунул руку в боковой карман пиджака, но потом, видимо, вспомнив, для чего он сюда пришел, положил ее себе на колени.

– Господин Тамбовцев, – сказал Де Вет, – за это время я объехал полмира, пытаюсь найти союзников, которые поддержали бы нас, буров, в случае нашего выступления против британцев. И, к моему глубокому сожалению, никто из сильных мира сего не обещал нам реальной помощи. Мир стал эгоистичен, люди поклоняются Золотому тельцу и не думают о ближних своих. Вся наша надежда на Россию, которая всегда сочувствовала нашему несчастному народу.

– Господин Де Вет... – Мне очень не хотелось разочаровывать этого человека, который до конца боролся за свободу буров, но врать я ему тоже не мог. – Россия готова помочь вам оружием и деньгами. Мы даже будем не против, если подданные императора Михаила выскажут желание в качестве волонтеров отправиться в Африку, чтобы на вашей стороне сразиться с британцами. Но, к сожалению, это все, чем Россия сможет вам помочь.

Бурские генералы переглянулись. Похоже, они предполагали подобный исход переговоров. Но люди всегда склонны верить в чудеса. Однако чуда не произошло, и русские прямо сообщили им, что помощи в виде непобедимых полков императора Михаила II им ожидать не следует.

– Господин Тамбовцев, скажу вам откровенно, – с горечью в голосе обратился ко мне Де Вет, – мы, буры, сами едва ли одни сможем справиться с британской армией. Большое спасибо вам за оружие и деньги, которые вы нам предлагаете, но ведь ни деньги, ни винтовки сами по себе не воюют. А люди наши устали после долгой и кровопролитной войны, и вступить в новую схватку с нашим извечным врагом мы еще не готовы.

– Понимаю вас, генерал, – сказал я, – но, то, что кажется невозможным сегодня, вполне возможно завтра. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да, господин Тамбовцев, – неожиданно вступил в разговор Де ла Рей. – Я верю, что даже через пять или даже десять лет в нашей стране найдутся люди,

которые не побоятся вступить в схватку с проклятыми британцами. Только новая война должна вестись совсем не так, как вели ее мы. Мой отряд не раз бил их, но они все же сумели выиграть войну, потому что воевали не только с нами, но и с нашими женами и детьми.

– Генерал, – ответил я, – вы воевали прекрасно, совершая глубокие рейды по тылам врага. В открытом сражении с британской армией вы вряд ли добьетесь победы. Но вот та партизанская война, что вы вели с генералом Де Ветом наносила огромные потери англичанам. Если бы вы придерживались такой тактики, истребляя карательные отряды, которые сжигали ваши фермы и сгоняли в концентрационные лагеря ваших жен и детей, то британцы просто не выдержали бы подобной войны, и вынуждены были бы вывести свои войска с ваших территорий. Разгром мелких отрядов британцев вынудил бы их сконцентрировать крупные силы в ваших населенных пунктах, превратив их в настоящие крепости. А ваши отряды нападали бы на вражеские обозы, разрушали линии связи – словом, делали бы все, чтобы подорвать боеспособность главных сил британцев.

– Господин Тамбовцев, вы абсолютно правы! – воскликнул Де Вет. – Именно так я и воевал. Только наши отряды порой действовали несогласованно, и командиры их думали только о себе. Скажите, вы не могли бы помочь нам в подготовке новых бойцов, которые в будущем смогли бы именно таким способом воевать с англичанами?

Я задумался. Был у меня в свое время разговор с императором. Мы тогда обсуждали способы проникновения в Южную Африку для того, чтобы за столбить за собой самые лакомые кусочки – месторождения алмазов, золота и редкоземельных металлов. Предложение Де Вета вполне нас устраивало.

– Господин генерал, – я внимательно посмотрел на бурского генерала, – в самое ближайшее время мы возьмем в аренду у императора Вильгельма часть побережья Германской Юго-Западной Африки. Возможно также, что мы арендуем и земли в глубине этой территории. Мы хотим устроить там сафари-парк, где русские путешественники могли бы познакомиться с вашей природой и поохотиться на львов и антилоп. Нам в этом сафари-парке понадобятся охотники-проводники, которыми могли бы стать ваши молодые люди, которые запомнили британские концентрационные лагеря и зверства оккупантов. Они могли бы поучить наших молодых людей приемам охоты, гм... на африканскую дичь, а те, в свою очередь, могли бы рассказать и показать вашим юношам,

как надо действовать в составе мелких боевых групп и наиболее эффективно воздействовать на вражеские коммуникации. В нашем сафари-парке на вполне законном основании хранились бы оружие и боеприпасы, а также снаряжение, которое необходимо для успешной, гм... охоты. Периодически ваши охотники-проводники отправлялись бы назад, в свои родные места, а им на смену приходили бы другие. Как вы полагаете, генерал, такой вариант помощи вас бы устроил?

Де Вет задумался, а Де ла Рей, достав из кармана маленькую Библию, раскрыл ее и беззвучно зашевелил губами, читая какой-то псалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mihaylovskiy_aleksandr/bol-shaya-igra-bez-pravil

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)